

Юлия
Вознесенская
СЫН ВОЖДА



Annotation

«Сын Вождя» — произведение, сильно отличающееся от других книг Ю.Н. Вознесенской. Прежде всего тем, что «Сын Вождя» — это книга о нашем прошлом.

Однажды на даче под Петербургом, где гостила Юлия Николаевна, между присутствующими завязался разговор о мумии Ленина, до сих пор лежащей в мавзолее на Красной площади. Один из гостей поведал удивительную историю... Тогда-то Юлия Николаевна и решила поделиться этим рассказом о Сыне Вождя.

Книга адресована взрослому читателю.

- [Юлия Николаевна Вознесенская](#)
-
-

Юлия Николаевна Вознесенская Сын вождя

Сын Вождя проснулся и, даже не открывая глаз, почувствовал, что сегодня — ЕГО ДЕНЬ. Ломило и крутило суставы, слегка познабливало, и все это были верные признаки.

Стараясь не вздохнуть глубоко, не зевнуть, не совершить заметного движения даже веками, чтобы глазок напротив кровати не засек его пробуждения, он чуть-чуть приоткрыл глаза и нашарил зрачками

ОКНО.

А за окном была еще темень, к стеклу липли и тяжело сползали вниз большие хлопья снега, сквозь приоткрытую форточку доносились посвисты порывистого ветра.

И он услышал, как издалека, с самого дна его усталого старого сердца, прозвучал звонкий голос:

Белый камень у меня, у
меня!

Говорите про меня, про
меня!

Да, это, несомненно, ДЕНЬ ЕГС СВОБОДЫ. Такая удача выпадала Сыну Вождя не каждый год, и он

едва сдержал улыбку: рано, ох, рано еще радоваться! Теперь главное — держаться спокойно и ничем себя не выдать.

Под одеялом он осторожно протянул руки к коленям и начал их разминать и массировать. Спасибо доброй старушке, научившей его делать массаж, без него он едва ли сумел бы сегодня подняться с постели. Как же ее звали? Мария... А как дальше? Кажется, Мария Карловна.

Вот она сидит на скамеечке возле его ног. Он видит сверху собранные в пучок редкие белые волосы, сквозь которые чуть-чуть просвечивает розовая кожа.

— Ну что? Стало легче? — спрашивает она, поднимая к нему милое озабоченное лицо.

— Да, значительно легче. Спасибо вам большое, Мария...

Да нет, никакая не Карловна, вот еще! Какое-то совсем простое русское отчество. При чем тут Карловна? Скорее Мария Федоровна или Мария Петровна... Ну ничего, если день окажется удачным, он потом обязательно вспомнит ее отчество.

Кровь заструилась быстрее, колени разогрелись, и ломота стала отходить. Теперь можно было потихоньку подниматься. Кряхтя и демонстрируя ревматическую боль,

которой на самом деле уже не было, он сел и спустил на пол ноги. Немного посидел так, сгорбившись, на постели, а потом медленно поднялся, опираясь рукой о спинку кровати.

Сын Вождя не спеша, все так же кряхтя и постанывая, застелил постель и побрел в ванную. С глубоким вздохом он наклонился, закрыл пробкой сливное отверстие ванны и пустил горячую воду. Постоял над ванной и побрел обратно в комнату, волоча ноги и шаркая домашними туфлями.

На этом коротком пути из комнаты — через прихожую — в ванную было установлено три глазка,

и все они должны были сегодня зафиксировать его немощное состояние.

Он подошел к шкафу и приоткрыл его дверцу лишь наполовину. Это тоже должно было выглядеть еще одним свидетельством его скверного самочувствия: вот, даже дверцу распахнуть сил нет...

Внизу, под бельевыми полками, лежала небрежно сваленная груда одежды. На самом деле это была сложенная в хорошо продуманном порядке одежда для выхода в ДЕНЬ СВОБОДЫ: байковые кальсоны, вигоновые носки, вязаная безрукавка и замечательно теплая фуфайка из ангорской шерсти.

Он потянулся к полке со стопкой полотенец и взял одно из них — большое, банное. Полотенце тут же, будто послушавшись его ревматических рук, а на самом деле умело направленное ими, упало вниз, на грудь одежды. Поднимая оброненное полотенце, он прихватил вместе с ним и одежду для прогулок.

В ванной комнате он повесил полотенце на крючок, а теплое белье при этом уронил на пол как раз под самым глазком и вне пределов его видимости.

Ванна за это время почти наполнилась горячей водой, и можно было купаться — очень осторожно, чтобы не распариться перед

прогулкой. Он опустился в воду и сразу же вытащил пробку. Когда вода ушла, он полежал еще минут пять в пустой горячей ванне, чувствуя, как расправляются сведенные за ночь мышцы и сосуды, и только потом вылез и насухо обтерся полотенцем.

Теперь ему предстояло проделать один хитрый акробатический трюк, тоже давно им придуманный и отработанный. Голову он не намочил, но сделал вид, что вытирает волосы, после чего намотал полотенце наподобие чалмы, как это делают женщины. Обмотанной полотенцем головой он заслонил единственный глазок ванной комнаты. Затем, стоя на

одной ноге, он пальцами другой по очереди подцепил и поднял с пола носки, теплые кальсоны, ловко перехватил их руками и сразу же надел, а после подсунул руку под свернутое чалмой полотенце и освободил из него голову, полотенцем продолжая закрывать глазок. Он сумел, меняя руки, натянуть фуфайку и безрукавку, а сверху на все это надеть халат.

Отдышавшись после этих совсем не простых упражнений, Сын Вождя прошел в комнату, снова подошел к шкафу и снял с вешалки брюки. Он сумел надеть их, не снимая халата и не давая глазку в противоположной стене засечь теплые кальсоны.

Потом он опять пошел к ванной, неся с собой самый теплый из своих свитеров. Очередной фокус состоял в том, чтобы войти в темную ванную, мгновенно сбросить халат и надеть свитер, и только потом зажечь свет и спокойно повесить на место халат. Все это у него получилось, и теперь свитер надежно скрывал надетые подниз безрукавку и фуфайку.

Сын Вождя отправился на кухню. Он волновался, аппетита не было, и не хотелось терять время на еду, но необходимо было запастись калориями на целый день. Вместо обычного кефира он взял баночку сметаны. На хлеб намазал толстый слой масла и положил сверху три

куска докторской колбасы и два кружочка копченого сыра — все, что нашлось в холодильнике. Этот чудовищный бутерброд Сын Вождя запил крепчайшим чаем с шестью кусками сахара и решил, что теперь он сыт на весь день. Убирая сахарницу со стола в буфет, он на всякий случай сунул в карман еще несколько кусочков сахара. Вот теперь он был вполне готов к выходу.

В крохотной прихожей он сначала надел свое тяжелое зимнее пальто, а потом повторил тот же прием, что и в ванной: надел на голову серую шапку-ушанку, подошел к глазку, встал перед ним, сунул в ушанку левую руку и

высвободил голову, шапкой продолжая закрывать глазок. Правой рукой он быстро достал из тумбочки под вешалкой яркий вязаный шарф, такую же шапочку и рассовал их по карманам пальто. Затем надел ушанку на голову, отошел от глазка и неторопливо укутал шею серым шарфом.

Уже не таясь, он вынул из тумбочки плетеную сумку-авоську и вышел за дверь квартиры. Замок он запер на один оборот ключа, как будто намерен был скоро вернуться, и отметил, что из квартиры напротив не раздалось ни единого звука.

Последние несколько лет его соседи по площадке и по лестнице,

казалось, вообще перестали обращать на него внимание. Все они были такие же холостяки, как и он, — семейных на этой службе не держали; они старились вместе с ним и уже, наверное, все один за другим вышли на пенсию. Он подозревал, что теперь слежка за ним из основной работы превратилась для них в небольшой приработок к пенсии. Встречаясь с ним на лестнице или возле подъезда, они уже не стреляли в него исподтишка цепким профессиональным взглядом, а просто кивали ему по-соседски, похоже, и сами того не замечая. Но, конечно, они никогда с ним не

заговаривали, как и он с ними.

Он спокойно сошел по лестнице, уверенный, что никто из соседей в такую погоду следом за ним не двинется. В крайнем случае они позвонят куда надо и сообщат, что он вышел, как всегда, в 9 часов 5 минут, одетый как обычно и с авоськой в руке.

Начало десятого — это было как раз то время, когда в их окраинном универсаме толпилось довольно много народа: местные пенсионеры и домохозяйки спешили с утра заготовиться продуктами. Но для него это было самое удобное время, не считая часа перед закрытием, — ему как раз и нужна была сутолока в

магазине.

В спящей толпе Сын Вождя подошел к молочному отделу, взял очередную бутылку кефира, баночку сметаны, потом прошел в колбасный отдел. Круглолицая девушка-продавец, которую он давно уже заметил, ласково спросила:

— Вам, дедушка, как всегда — сто грамм докторской?

Он кивнул, но без ответной улыбки.

Это случилось в маленькой булочной за углом, теперь уже давно не существующей: после открытия универсама все маленькие магазинчики в районе один за другим позакрывались.

В тот раз молоденькая продавщица сказала ему:

— Дедушка! Не берите нарезной батон, он вчерашний. Возьмите лучше французскую булку или сайку: их вот только сейчас привезли из пекарни, они еще горяченькие!

Он расчувствовался, ласково поблагодарил ее за заботу и что-то сказал о погоде. А на другой день продавщица исчезла.

Правда, девушка вполне могла уйти в отпуск, сменить работу или перейти в другую булочную, но он-то не мог никого спросить, почему ее нет на обычном месте за прилавком. Конечно, это было уже давно, с полвека тому назад, но все равно он с

тех пор остерегался без особой надобности поднимать глаза на продавщиц, на парикмахеров, на приемщиц белья в прачечной. Зачем губить людей?

Забрав свои сто граммов докторской, Сын Вождя направился к винному отделу, где продавали также и табак. Купив пачку «Беломора», он пошел к выходу.

Сын Вождя практически не мог курить — от запаха тлеющего табака его тошнило. Но свои обязательные пять папирос в день он стоически выкуривал, а точнее — сжигал. Он демонстративно расхаживал по квартире с дымящей папиросой в руке, а пепельницы на кухне и в

комнате у него всегда были полны окурков.

Одну папиросу из пяти он раскуривал как следует, а потом клал на край пепельницы и давал ей дотлеть до мундштука: именно она должна была обеспечить в квартире стойкий запах табачного дыма. Остальные папиросы он тоже отправлял в пепельницу, но уже после первой фальшивой затяжки: он их гасил сразу, чтобы потом можно было незаметно сунуть их обратно в пачку и снова использовать. Так ему удавалось создать впечатление, что он выкуривает за день пачку «Беломора», хотя на самом деле одной пачки ему хватало на три-

четыре дня. Но каждый день он шел в магазин как на работу, исправно толкался у винно-табачного отдела и отходил от него, успев незаметно переложить из кармана в авоську запечатанную пачку «Беломора», прихваченную из дома. Для того-то он и ходил в универсам именно в те часы, когда там было больше всего народа — с утра или перед самым закрытием.

Фальшивое курение давало Сыну Вождя свободные деньги, которые были так необходимы для ЕГО ДНЕЙ СВОБОДЫ. Если бы о попытался экономить на еде, стрижке или на прачечной, это было бы сразу замечено «кожаными

куртками», а вот считать окурки — до этого даже они не додумались. Ну, курит старик и курит — много ли у него развлечений? — и к деньгам на питание ему стали прибавлять стоимость тридцати пачек «Беломора» в месяц. Это был его единственный, очень скромный, но зато постоянный доход.

Выйдя из универсама, Сын Вождя семенящей старикинской походкой побрел к скверику — обычному месту его ежедневных прогулок. Там он присел на скамеечку, откуда видны были часы на углу улицы рядом с автобусной остановкой. Опустив голову и надвинув шапку почти на самые

глаза, он исподлобья внимательно следил за минутной стрелкой.

Как ни странно, автобус приходил на эту остановку всегда в одно и то же время. Возможно, потому, что это была всего лишь вторая остановка от кольца и тут автобусы еще придерживались какого-никакого расписания.

Выждав, когда до прихода автобуса осталось две минуты, он тяжело поднялся со своей скамейки, вышел из скверика и побрел по улице в сторону остановки. Там, под столбиком с синей вывеской, притопывая ногами и отворачиваясь от летящего в лицо снега, в ожидании автобуса стояли люди. В

основном это были служащие, спешившие на работу к десяти часам утра. Их на остановке собралось довольно много — автобусы ходили редко.

Сын Вождя рассчитал время как нельзя удачней: он будто бы случайно оказался на остановке именно в тот момент, когда подошел автобус и началась толкотня возле обеих дверей. Он смешался с толпой пассажиров и, когда автобус уже почти трогался, рывком протиснулся в закрывающиеся двери.

С передней площадки Сын Вождя сразу же начал пробираться к дверям в середине автобуса. Через две остановки он вышел и пересел на

троллейбус, сначала на один, а через несколько остановок — на другой. И конечно же, он везде аккуратно брал билеты.

Сын Вождя вышел на перекрестке двух проспектов, где была станция метро, а троллейбусная линия пересекалась с трамвайной. Теперь на нем были ярко-красные, совсем не стариковские вязаные шарф и шапочка с помпоном. Серый шарф и каракулеву шапку-ушанку он еще в последнем троллейбусе свернул и сунул в авоську. Под валившим все гуще снегом он бодрой походкой пенсионера-физкультурника, широко и крепко шагая, подошел к трамвайной

остановке и стал ждать двенадцатого номера, который и должен был отвезти его на Острова.

В трамвае Сын Вождя скорее почувствовал, чем осознал, что слежки за ним нет. Пассажиров было немного, поток едущих на работу уже иссяк. Теперь вагон занимали в основном пенсионеры да взрослые с детьми-дошкольниками — публика не слишком озабоченная и расположенная к общению. Иногда и у него случались коротенькие трамвайные знакомства, доставлявшие ему огромное удовольствие: перекинулся с ним кто-то двумя-тремя словами о погоде, посетовал, что трамваи стали

ходить реже, да просто попросили его разменять деньги или передать билет — а много ли ему надо? Поговорил с человеком, и на душе теплее.

Вот так же случайно он когда-то познакомился с Марией Карповной и ее внучкой Леночкой. Ну да, вот он и вспомнил ее отчество — Карповна, Мария Карповна... Боже, какое же это было чудесное знакомство!

Тогда он тоже ехал на двенадцатом трамвае. Сын Вождя в то время еще только начинал свои тайные вылазки и с людьми разговаривать еще не осмеливался. Он сидел у замерзшего окна и глядел на заметенные улицы в

процарапанную кем-то до него проталинку.

На остановке возле цирка в трамвай разом вошло много народа, в основном с детьми, — как раз кончилось дневное представление. Напротив него села старушка с девочкой лет пяти-шести. Вот эта девочка с ним тогда и заговорила:

— Дедушка! А мы с бабушкой были в цирке!

Он вздрогнул от неожиданности и ошеломленно поглядел на нее, испытывая растерянность, недовольство и страх. Старушка же ничего не заметила, занятая поисками нужной монетки в кошельке.

Он откашлялся, хмыкнул, но так и не сумел ничего ответить. А девочка продолжала глядеть на него радостными глазами.

— Мы видели зверей и клоунов!

— А... Гм... Очень хорошо, — пробормотал он и отвернулся к окну.

Но девочка не унималась.

— Дедушка! А ты был маленьким?

Он поглядел на нее, с отвращением чувствуя пустоту и холод своего взгляда. Потом сделал над собой усилие и ответил:

— Да, был... Конечно, был!

— И тебя тоже водили в цирк?

Тут на их разговор обратила внимание бабушка, уже нашедшая

нужную монетку и передавая ее кондуктору через пассажиров.

— Леночка! Сколько раз тебе повторять, что незнакомым людям нужно говорить «вы», а не «ты»?

— А мы знакомые люди. Разве ты не слышишь, бабушка, что мы с этим дедушкой про цирк разговариваем? Ведь правда, бабушка, мы уже познакомились?

— Правда, — выдавил из себя Сын Вождя, не поднимая глаз на опасную девочку.

Она же, не замечая его смятения, продолжала расспросы:

— Дедушка, ну скажи, когда ты был маленьким, тебя водили в цирк?

Его вдруг прорвало, и он

произнес самую длинную фразу из сказанных вслух за последние сорок лет:

— Когда я был маленьким, мой папа на Святках всегда водил меня в цирк Чинизелли.

— Дедушка, а кто тебе тогда больше нравился — звери или клоуны?

— А вот этого я, к сожалению, уже не помню.

Старушка вдруг непринужденно вступила в их разговор:

— Подумать только, я ведь тоже девочкой ходила в цирк Чинизелли! А где вы жили тогда в Петербурге?

— На Большой Морской.

— А знаете, мы с вами в

прежние годы были почти соседями: до войны мы жили на Конногвардейском бульваре. Может быть, в детстве мы с вами в одно и то же время гуляли в Александровском саду!

Сын Вождя испугался собственной внезапной болтливости и, чтобы пресечь дальнейшие расспросы о детстве, быстро проговорил:

— Потом меня увезли в другой город, и я вернулся сюда только под старость.

— А я всю свою жизнь прожила в этом городе и блокаду тут пережила. Я коренная петербурженка!

Не зная, что на это ответить, но и не желая прекращать нечаянный разговор, который уже перестал его пугать и даже начинал нравиться, Сын Вождя потер коленку и пожаловался:

— Вот, ревматизм разыгрался...

Погода дурная...

Старушка тему о болезнях охотно поддержала и в свою очередь посетовала, что ее донимает артрит.

— А впрочем, нам с вами грех жаловаться на свои недуги: много ли наших ровесников дожило до старческих болезней?

— Да, это верно, — согласился Сын Вождя.

— У нас ведь как, в нашем-то

возрасте? Сегодня болит одно, завтра другое, а мы все скрипим и скрипим... Мой отец, врач-гомеопат, дожил до девяноста лет. Он практиковал почти до самой смерти, по крайней мере давал медицинские советы знакомым. И, бывало, он утешал своих престарелых пациентов такой шуткой: «Если вам за семьдесят и вы, проснувшись утром, почувствовали, что у вас ничего не болит, значит, одно из двух: либо вы уже умерли, либо вы еще не проснулись». И он был прав, мой батюшка, не правда ли?

— Совершенно с вами, то есть с ним, согласен.

— А вы знаете, что ревматизм

можно лечить без врачей — одним массажем?

— Неужели?

Да-да, одним только массажем!

Причем этот массаж очень простой, его можно научиться делать самому.

— Это поразительно.

— А хотите, я вас научу? Я многих своих знакомых ему обучила, и массаж этот всем принес великое облегчение. Вы куда-нибудь спешите?

— Нет, я никуда не спешу, — с замиранием сердца, уже предчувствуя, что последует дальше, ответил Сын Вождя.

— Как раз следующая остановка — наша. Мы с Леночкой приглашаем

вас в гости, и я вам преподам первый урок этого удивительного массажа. Вы не представляете, насколько вам сразу полегчает, вы просто другим человеком станете!

— Что вы! Это как-то неудобно...

— И не слушаю, и не слышу! Вздор какой — неудобно! Мы с вами уже не в том возрасте, чтобы бояться случайных знакомств. Леночка, приглашай дедушку — это же твой знакомый!

— Пойдемте к бабушке, дедушка! Мы будем пить чай с пирожками. Бабушка всегда печет пирожки, когда я прихожу к ней в гости.

— Прошу вас, не отказывайтесь. Куда бы вы ни направлялись, зайти по дороге попить чайку совсем не вредно, особенно по такой-то погоде. К тому же — это Леночка угадала — с домашними пирожками.

Это было так неожиданно, так удивительно прекрасно, что он не успел испугаться и — принял приглашение.

Они вышли из трамвая, и Леночка подала одну руку в пестрой варежке бабушке, а другую — ему. Впервые в жизни он ощутил в своей руке руку ребенка и очень удивился тому, какая она маленькая. Так они и пошли по заметенной улице: старик, старушка и между ними — не

разделяя, а соединяя их — маленькая девочка, трогательная в своей пушистой зимней неуклюжести.

Он одним ухом слушал старушку, рассказывавшую что-то об изменении маршрута троллейбуса, который прежде подвозил их почти до самого дома, а другим — Леночку, глубокомысленно рассуждавшую о разнице между зверьми в цирке и зверьми в зоопарке. Он их обеих слушал не очень внимательно, сам он в это время думал о том, что это нечаянное счастье могло быть его настоящей жизнью: вот так идет он, так — Марина, а посередине — их доченька или, учитывая его

теперешний возраст, скорее внука. Ни сына, ни внука он бы иметь не хотел. Мальчики — это совсем не хорошо! Ведь именно мальчики, вырастая, сочиняют политику, а потом из-за нее убивают и мучают других таких же мальчиков...

Они подошли к подъезду с высокой двустворчатой дверью.

— Вот здесь я и живу! — сказала старушка, и Сын Вождя успел быстро шагнуть вперед и предупредительно отворить дверь, пропуская в подъезд ее и Леночку. Надо же — не забыл!

По широкой гранитной лестнице, обветшавшей, но все еще красивой — с коваными чугунными

перилами и высокими тройными окнами с полукруглой верхней фрамугой — они поднялись на второй этаж и остановились перед обитой черной клеенкой дверью. Старушка достала связку ключей, выбрала из них самый большой и открыла замок.

— Входите, прошу вас!

Она провела их по длинному коридору, остановилась возле одной из дверей и объявила:

— А вот здесь моя комната!

Сын Вождя заметил, что в большой коридор квартиры выходит множество дверей, но постеснялся спросить, все ли живущие здесь люди приходятся старушке

родственниками или тут есть и посторонние? Он уже слышал прежде, что теперь бывают квартиры, в которых живут рядом и пользуются общей ванной и одним на всех туалетом совсем чужие друг другу люди.

Старушка отперла дверь комнаты ключом, и он подумал, что в квартире, видимо, проживают не только родственники. А Леночка живет где-то в другом месте и приходит сюда в гости... Странно.

За дверью оказалась крохотная прихожая, где Сыну Вождя предложили раздеться и разуться. Он снял свое тяжелое пальто, повесил его на вешалку, размотал шарф,

сунул его вместе с шапкой в рукав пальто и начал разуваться. И тут он ужасно смутился: он не заметил, что его зимние ботинки стали протекать, а теперь это вдруг так некстати обнаружилось — тонкие серые носки промокли и потемнели от сырости.

Хозяйка между тем раздевала Леночку и смущения его не заметила.

— Наденьте вот эти шлепанцы, они вам будут впору, — сказала она, доставая из-под вешалки и подавая ему домашние туфли без задников.

Он хотел было незаметно сунуть в них ноги в мокрых носках, но потом решил, что это будет нехорошо — промочить своими

сырыми носками хозяйские туфли. Он стоял в полной растерянности и совершенно не представлял, как ему выйти из столь сложного положения.

— Ох, как вы ноги-то промочили, бедный! Не надевайте пока туфли, я вам сейчас теплые носки принесу. Пойдите тут минутку. Пойдем, Леночка!

Он стоял в тесной прихожей, не смея пошевелиться. Хозяйка вернулась через минуту и подала ему толстые шерстяные носки.

— Вот, наденьте. Да снимите же сначала мокрые! Я их на батарею повешу. Не стесняйтесь, не стесняйтесь, пожалуйста: наше дело стариковское — нам полагается ноги

беречь. Давайте-ка их сюда!

Он послушно протянул ей скомканные и неприятные на ощупь мокрые комочки. Слава Богу, они, кажется, совсем не пахли...

— А эти берите и надевайте.

Он взял носки и, неуклюже наклонившись, натянул их на застывшие ноги.

— Проходите, голубчик, прошу вас. — С этими словами Мария Карповна откинула тяжелую бархатную занавеску, отделявшую прихожую от комнаты. Занавеска была старенькая, потертая, вылинявшая на складках, но Сыну Вождя позже, когда он вспоминал и снова проживал эту минуту, всегда

казалось, что перед ним тогда раздвинулся огромный, роскошный театральный занавес.

Перед его глазами предстала комната, вдвое большая, чем вся его однокомнатная квартира. Сначала он не видел никаких деталей, не разглядел мебели, а только почувствовал, как на него пахнуло чем-то полузабытым, но дорогим.

— Проходите и садитесь на диван к Леночке.

Он пошел к дивану, на котором уже сидела, подобрав ноги, Леночка. Сбоку мелькнула и пропала из поля зрения лампа на длинной бронзовой ножке с шелковым абажуром, по краю которого свисала бахрома из

бисера, — точно такая же стояла у его матери в спальне. Середину комнаты занимал прекрасный овальный стол на четырех толстых круглых ножках, соединенных перекладинами, — а у них такой же стоял в гостиной, и маленьким Сын Вождя любил под ним играть. А письменный стол у окна пусть и не был точной копией стола в отцовском кабинете, но он был из той же семьи старинных письменных столов — основательных, тяжелых, крытых зеленым сукном, с бронзовыми подковообразными ручками на ящиках. У стены напротив дивана стоял огромный четырехдверный шкаф, а в углу

комнаты, справа от входа, высилась почти под самый потолок темно-зеленая изразцовая печь: и печь и шкаф тоже были очень знакомыми, только сразу он не сумел вспомнить, где видел их в прежней жизни.

А вот диван, на котором они с Леночкой сидели рядышком, ничего ему не говорил — диван был немой. Похоже, что диван этот втерся в чуждую ему обстановку из сегодняшнего времени, и может быть, на нем даже спали. Правда, сверху он был накрыт зеленым, в черную и красную клетку стареньким пледом, и это несколько примиряло.

Леночка все еще рассуждала о

зверях-артистах и зверях-арестантах, а он, осторожно поворачивая голову, продолжал оглядывать чудесную комнату. Теперь он уже заметил и такие вещи, которых в его прошлом не было, — например, висевшую над угловым столиком большую икону Божьей Матери в золоченом резном киоте. Иверская, кажется?.. Под иконой горела синяя лампадка, а на столике стояло на подставке большое фарфоровое пасхальное яйцо с нарисованным на нем монастырем. Издали ему показалось, что это Соловецкий монастырь. Ему очень не хотелось, чтобы это были Соловки, и он нарочно не стал приглядываться.

Он повернулся и сел боком, разглядывая стену над диваном: она почти сплошь была завешана фотографиями в больших и маленьких, квадратных и прямоугольных, круглых и овальных рамках. Боже мой, сколько же тут было разных лиц! Породистые мужские лица, многие с усами, бородками и даже бакенбардами; торжественные лица нарядных детей; красивые и строгие женские лица, больше похожие на репродукции с живописных портретов, чем на простые фотографии. Конечно, он и сейчас видит в городе много красивых молодых женщин, но почему-то ему всегда кажется, что у

них не лица, а мордашки.

Вот и у его матери тоже было ЛИЦО — красивое лицо молодой дамы, даже когда она одевалась и причесывалась под курсистку. А у него не сохранилось ни одной ее фотографии, все забрали и унесли «кожаные куртки». Были только портреты Вождя, да и то не в доме, а на городских улицах. Странно, но у него никогда не появлялось желания иметь портрет Вождя в своей квартире, хотя можно было бы придумать для него какой-нибудь тайник. А возможностей было сколько угодно, особенно в юбилейный год, когда отмечалось столетие со дня рождения Вождя.

Тогда его портреты только что на колбасе не печатали...

Старушка вернулась из кухни с чайником, поставила на стол темно-синие с золотом чашки и блюдо с пирожками. Пирожки были с капустой, яйцом и луком. Потом Сын Вождя иногда покупал готовые пирожки с лотков, несколько раз даже заходил в пирожковые и брал там парочку — ну конечно же, никакого сравнения!

Перед ужином хозяйка сказала, что ее зовут Мария Карповна, и он тоже как-то ей представился, но имя и отчество назвал вымышленные и потом никак не мог вспомнить какие.

Он сидел, пил чай с пирожками и блаженно пошевеливал под столом ногами в шерстяных носках: ох и теплые же они были, эти носки, и как скоро они согрели его озябшие ноги!

Мария Карповна рассказала ему, что делать массаж она научилась у своего отца: тот был другом и последователем известного натуропата Алексея Суворина и вместе с ним считал, что правильный массаж излечивает многие болезни, а уж ревматизм — определенно. Убеждая его, она положила свою руку поверх его лежавшей на столе руки и чуть-чуть пожала. Он замер.

— И делать этот массаж нужно

не тогда, когда начался приступ и боль уже связала вас по рукам и ногам, а ежедневно, желательно даже по два-три раза в день. И тогда, голубчик мой, вы забудете про свой ревматизм! То есть он, конечно, никуда не денется, но ревматизм будет существовать сам по себе, а вы — сами по себе.

Он слушал Марию Карповну, а сам все глядел на ее руку, лежавшую поверх его руки, и дивился тому, что старушечья рука, вовсе даже не красивая на вид, может нести столько покоя и умиротворения. Прошло уже много лет с той волшебной минуты, а Сын Вождя мог и сейчас вызвать в памяти ощущение

ее теплого и легкого прикосновения — вот тут, чуть повыше косточек...

А затем Мария Карповна и вовсе повергла его в смятение: после чая она пересадила его в кресло, сама примостилась у его ног на маленькой скамеечке и принялась разминать и растирать его колени. Конечно, боль сразу же отступила, но вместе с нею отступило и чувство реальности. Он пребывал где-то посередине между обмороком и блаженством и едва ли слышал, что там воркует возле его ног Мария Карповна...

Потом они вернулись к столу; хозяйка второй раз ходила на кухню ставить чайник, и они опять пили чай с пирожками.

Мария Карповна предложила ему остаться до ужина, но он решительно поднялся и заявил, что ему пора домой. Причина, по которой он вдруг так заторопился, была смешная и одновременно жуткая: ему срочно понадобилось опорожнить мочевой пузырь, но он не осмеливался спросить разрешения воспользоваться туалетом, боясь быть замеченным соседями по квартире. А ему так хотелось остаться, еще побыть с Марией Карповной и Леночкой! Но боязнь повредить хозяйке пересилила.

Провожая его, Мария Карповна предложила ему оставить на ногах теплые носки, а его собственные,

уже просохшие на батарее центрального отопления, взять с собой.

— Это носки моего покойного мужа, они никому больше не понадобятся. Берите, не стесняйтесь! Носите на здоровье, я сама их вязала.

И будь его воля, он бы обязательно взял эти носки, ему очень хотелось их взять, но он не решился: как бы он объяснил при очередном ежемесячном осмотре квартиры появление в его гардеробе пары носков ручной вязки? Пришлось отказаться и надеть свои.

Мария Карповна записала ему на бумажке свой телефон и адрес и пригласила бывать запросто.

— Леночка у меня гостит не часто, так мы бы с вами иной раз вдвоем поскучали за чайком да разговорами. Я вижу, вы тоже, как и я, человек одинокий.

— Да, вы правы, Мария Карповна, я очень одинокий человек.

— Ну, вот и приходите запросто, голубчик! Я вас буду ждать.

Может быть, она и ждала его потом какое-то время. Но он, выходя от Марии Карповны, уже твердо знал, что никогда и ни за что не отважится еще раз прийти сюда, в эту теплую комнату с иконой Божьей Матери в переднем углу и целым иконостасом родных и знакомых над диваном.

Он вышел на улицу, свернул за угол, зашел в первую попавшуюся подворотню и помочился прямо под стеной. Ему в тот момент было совсем неважно, что его могут заметить, устроить ему скандал, даже отправить в милицию, — он не мог больше терпеть ни минуты. Главное, он успел уйти с той улицы, на которой жила Мария Карповна и где он не посмел бы сотворить такое непотребство.

Вспоминая, Сын Вождя не забывал сторожко следить за тем, что происходит в трамвае, и одновременно наблюдал город за окном. Он бездумно отметил, что портретов Вождя на улицах было

намного меньше, чем в недавний юбилейный год, но все еще более чем достаточно: со стен домов, с круглых уличных тумб, даже из витрин магазинов выглядывало знакомое лицо с будто бы ласковым прищуром. Не было никакой ласки в этом прищуре, уж это он хорошо помнил...

Конечно, ушедших великих людей надо помнить и после смерти, думал он, но не так, чтобы они заслоняли жизнь живым. Он вспомнил гигантские портреты Вождя, которые загораживали по три-четыре этажа жилых домов: вечерами сквозь огромный лик Вождя фантазмагорически

просвечивали окна квартир. Может быть, покойный потому и не находит покоя, усмехнулся он про себя, что его посмертное пребывание на земле искусственно поддерживается с таким упорством?

На Петроградской стороне трамвай прошел мимо неприметной улочки, обсаженной деревьями, теперь уже большими. Если выйти на следующей остановке, вернуться немного назад и свернуть в эту улочку, по ней можно дойти до небольшого кинотеатра. Было время, когда он тратил на кино все скопленные обманным курением деньги и редкие дни своей свободы.

Обнаружил он этот небольшой кинотеатрик совершенно случайно. Это было в один из ЕГО ДНЕЙ Накануне он, как всегда в день смерти Вождя, из дома вообще не выходил, заранее закупив продукты в универсаме. Он был уверен, что, «отдежуривав» этот день и убедившись, что он ни о каких диверсиях и не помышлял, его охранники, как обычно, устроили себе выходной. Была метель, он спокойно ехал на Острова, и ему вдруг показалось, что в трамвай с задней площадки вошел кто-то из «кожаных курток».

Уже тогда его охранники кожаных курток давно не носили,

они ходили в обычных костюмах, плащах или пальто, на голове носили скромные шляпы или кепки, а зимой — меховые шапки. Но для него они в любой униформе оставались как бы мечеными, он безошибочно узнавал их в любой толпе и сразу старался скрыться от них, даже если встреча происходила в соседнем универсаме или булочной возле дома, где опасаться ему было нечего. И про себя он продолжал называть их «кожаными куртками».

В тот раз, заметив входящего в трамвай подозрительного пассажира, он быстро протиснулся к передней площадке и выскочил из трамвая почти на ходу, едва не защемленный

закрывавшимися дверьми.

Быстрым шагом уходя с остановки, он свернул в первую попавшуюся улочку, по обеим сторонам которой стояли, изнемогая под тяжестью снега на ветвях, какие-то деревца. Он еще пожалел, что они такие молодые — за их тонкими стволами не спрячешься... Он прошел по ней довольно далеко в сторону от проспекта, удостоверился, что слежки за ним нет, и тут вдруг увидел вход в кинотеатр, а по бокам от него — витрины с афишами. Он скользнул взглядом по названию фильма и остолбенел, прочитав имя Вождя. И тут же он решил пойти в кино и

посмотреть фильм, как это делают обычные граждане.

Он толкнул дверь и вошел в небольшой вестибюль. Тут он увидел окошечко в стене, перед которым стояла очередь из нескольких человек. Он, никого ни о чем не спрашивая, просто встал в очередь, как привык делать в магазинах.

Он видел, как люди протягивают в окошечко деньги, а потом отходят, держа в руках синие полоски бумаги — видимо, билеты в кино. Он не знал, хватит ли у него денег на билет.

Стоявший впереди подросток протянул в окошечко пять рублей, и пожилая неприветливая кассирша

дала ему билет и сколько-то рублей сдачи. У Сына Вождя было девять рублей — пять рублей одной бумажкой и четыре по рублю, и, чтобы не задавать вопросов сердитой кассирше, он протянул ей пятирублевую бумажку.

— Один, два? — спросила она, принимая деньги.

— Один.

— Поближе, подальше?

— Поближе.

Она протянула ему синий билетик и три рубля сдачи. Он постоял, разглядывая свой билет и ожидая, когда стоявший за ним человек тоже получит билет: он не знал, куда идти дальше, и решил

следовать за ним. На его билете было написано: «Ряд 4 место 15», а сбоку была крупная надпись: «КОНТРОЛЬ». Вслед за мужчиной он прошел через дверь, возле которой стояла пожилая женщина; она взяла у них билеты и оторвала полоску с надписью «КОНТРОЛЬ».

— Проходите, — сказала она, возвращая билет.

Он прошел в довольно большое помещение, где стояли и прохаживались люди, в основном подростки и взрослые с детьми. Позже он узнал, что это помещение называется «фойе» и здесь люди ожидают начала сеанса. На одной стене фойе, в ряд с небольшими

промежутками, висели темно-красные плюшевые портьеры, за которыми скрывались двери в кинозал — это он узнал уже скоро.

В конце помещения была стойка, возле нее снова небольшая очередь. Он подошел и увидел стеклянную витрину, как в гастрономе, а за нею конфеты в вазах, пирожные на подносе и на большом плоском блюде — немного подсохшие с виду бутерброды с колбасой, сыром и даже с красной икрой. Ему очень захотелось купить один такой бутерброд, но он не был уверен, что у него хватит денег на такую роскошь. Потом он заметил, что люди покупали вовсе не

бутерброды, а вафельные стаканчики с мороженым, и отошел от стойки: давным-давно миновало время, когда он мечтал о таком стаканчике, как о райском блаженстве. Теперь мороженое ассоциировалось у него только с ангиной, а болеть он не любил. Болеть хорошо тому, за кем приглядывают, а за ним — следили.

Потом он заметил в стороне от буфетной стойки открытые двери, в которые входили и выходили люди. Он осторожно заглянул туда и увидел, что там стоят столы и стулья, а на столах лежат подшивки газет. Люди сидели за столами и небрежно листали эти подшивки. Ему категорически запрещалось читать

газеты и слушать радио, поэтому он отошел от дверей, продолжая издали поглядывать на счастливых с газетами.

Откуда-то прозвучал резкий звонок. Он вздрогнул, но тут же заметил, что люди на звонок реагируют спокойно. Красные портьеры теперь уже были раздвинуты, двери распахнуты, и люди поспешили в зал. Он вошел вслед за ними и увидел длинные ряды деревянных кресел с откидными сиденьями. Он на мгновение замер, прежде чем идти разыскивать свой ряд.

Точно такие же ряды деревянных кресел стояли в клубе

милицейской школы в Стрельне. Ему иногда разрешали смотреть кинофильм вместе с курсантами школы: курсанты сидели в зале, а он — на сцене, на принесенной с собой из камеры табуретке. Он тихо сидел там, отделенный от всех экраном, и все фильмы смотрел с обратной стороны. Если в фильме появлялись надписи, ему трудно было читать их наоборот. Сейчас, войдя в зал, Сын Вождя сообразил, что впервые увидит фильм из зрительного зала. Не считая, разумеется, тех, что в детстве смотрел с мамой в синематографе.

Зрители проходили между рядами и занимали свои места,

поглядывая в синие билеты. Ему удалось почти сразу найти свой ряд и место. Он сел, сложил руки на коленях и стал ждать.

Потух свет, зазвучала громкая музыка, и на экране появились смешные нарисованные зверушки. Это был детский фильм, и он испугался, не перепутал ли он что-нибудь. Он хотел посмотреть фильм о Вожде, а ему показывают какую-то сказку. Но он все равно теперь не посмел бы встать и уйти: справа и слева от него тесно сидели взрослые и дети, и он не представлял, как теперь можно со своего места пробраться к выходу. Он чуть не расплакался с досады.

Позже он узнал, что это было в порядке вещей — показывать какой-нибудь короткий фильм, документальный или мультипликационный, перед главным фильмом.

Через несколько минут свет опять ненадолго зажгли, запоздалые зрители вошли в зал, а потом он увидел на экране живое лицо Вождя. Он знал, что в фильме роль Вождя исполняет актер, и даже успел прочесть в титрах его фамилию, но образ Вождя, видимо, был так досконально изучен теми, кто делал кино, что он узнал его. Он-то ведь знал это лицо не только по портретам, но и по собственным

детским воспоминаниям.

На экране Вождь был похож на себя — невысокий, суетливый, картавый, но вместе с тем он был совершенно другой. В фильме он выглядел смелым, умным, непримиримым к врагам революции борцом, но также и человечным, любящим серьезную музыку, заботливым, даже нежным по отношению к друзьям и соратникам.

Напряженно и жадно вглядываясь в экран, Сын Вождя чувствовал, что любит Вождя не только как своего настоящего отца, но и как отца миллионов обездоленных русских людей, ждущих избавления от тяжкого гнета

царизма. И когда Вождь объявил толпе сограждан, что октябрьская революция свершилась, Сын Вождя благодарно заплакал. Конечно, его собственная судьба сложилась трагически, но разве Вождь был в этом виноват? Зато сколько миллионов россиян были освобождены и спасены его отцом! Как смел он так доверять своим детским воспоминаниям?

Когда-то у него был другой отец — папа, которого он видел редко, но любил восторженной и радостной любовью. Папа был красивый, веселый, от него пахло морем, табаком, хорошим одеколоном и немного машинным маслом — он

был морским офицером. Его военный корабль уходил в плавание на долгие месяцы, и мальчиком Сын Вождя всегда с нетерпением ожидал праздничных папиных возвращений из плавания, диковинных заморских подарков и гостинцев из петербургских кондитерских.

Мама сразу становилась веселой и красивой, делала пышную прическу, надевала яркие платья, меха и модные шляпы. Это были шляпы с такими огромными полями, что, проходя в дверь какой-нибудь лавочки в Гостином дворе, она должна была склонять голову набок, чтобы не задеть шляпой дверные косяки. Потом папа снова уходил в

плавание, и тогда рядом с мамой как из-под земли возникал Вождь. Она сразу менялась: вместо пышной прически заплетала и сворачивала калачиком тугую косу, носила простые черные юбки с белыми блузками и очки; при папе она их почти не надевала, предпочитала мило и лукаво щуриться. Она была очень близорука.

Вождь появлялся не один. С ним вместе в квартиру приходили какие-то серьезные молодые люди и сердитые девушки с пучками на затылке или остриженные под деревенских мальчишек. Вся эта публика часами вела напряженные разговоры в библиотеке, куда

подавался чай с бисквитами или водка с самыми простыми закусками, потому что прислуга в такие вечера получала выходной.

Сын Вождя этих гостей не любил и, когда они появлялись, прятался в детской. Ему не нравились их громкие разговоры, горький дым дешевых папирос, которым они наполняли библиотеку. Особенно ему не нравилось их пение. Они пели хором, стараясь приглушать голоса, и от этого даже веселые песни становились у них какими-то полузадушенными, как будто доносились из подземелья. А ему нравилось, когда мама сидела за роялем в гостиной и пела своим

громким переливчатым голосом для папы и для совсем других гостей — веселых, нарядных, праздничных. Особенно неприятно было присутствие Вождя летом на даче, где он снимал домик у какого-то финна рядом с их собственной дачей на самом берегу Финского залива. Их дача называлась «Кукушкин домик» и была впрямь похожа на швейцарские резные часы с кукушкой. Когда с ними не было папы, Вождь на целый день занимал мезонин: он говорил, что ему там хорошо работается. Сыну Вождя очень не нравилось, когда, идя домой от купален, он видел в прелестном резном «кукушкином окне»

склоненную лысую голову.

На даче Вождь питался с ними за одним столом, а кухарке отдавалось распоряжение готовить его любимые кушанья. Вождь любил пельмени, и Сын Вождя их возненавидел на всю жизнь.

Ему было странно, что его мама, весело командовавшая папой, этим высоким моряком с усами и кортиком, с Вождем вдруг становилась послушной, всегда в чем-то виноватой девочкой-подростком, и он не только смел повышать на нее голос, но даже кричал и в раздражении топал ногами.

И позже, став взрослым и уже

преклоняясь перед Вождем, он все равно не мог понять, как могла его красавица мать годами изменять мужу с этим маленьким рыжим человечком, вечно чем-то озабоченным и недовольным. А она его любила, любила преданно и благоговейно, и при этом очень его боялась.

Однажды Вождь напугал и его, тогда мальчика лет шести-семи. Он сидел на полу между окном и книжным шкафом и строил из книг замок для своих оловянных рыцарей, привезенных папой из Германии. Один замок у него уже был и стоял в детской — прекрасный разноцветный замок из папье-маше,

с башнями, зубчатой стеной и действующим подъемным мостом. Но он затеял большую войну, разделил своих рыцарей на две армии и одну из них «увел» к отцу в кабинет — вот для них и строился замок из папиных книг. Услышав, что мама и неприятный гость направляются в библиотеку, он спрятался за оконной занавеской. Он вовсе не собирался подслушивать или подглядывать, для этого он был попросту слишком мал: он только хотел, чтобы мама его не заметила и не заставляла подходить к Вождю, чтобы тот «поцеловал их мальчика». Ему совсем не нравилось, когда его мама громким шепотом говорила про

него этому человеку с узкими холодными глазами — «наш мальчик». Он тихо сидел на полу в широком проеме окна, копошился со своими рыцарями и поневоле слушал, как мамин гость говорит ей что-то напористо и скоро, будто вколачивает в нее маленькие и острые гвоздики слов.

— Маша, ты должна принести эту жертву не для меня, а для дела революции. Чего ты боишься?

— Милый, но он же военный моряк! Он такой порядливый, такой аккуратист — как может он вдруг взять и потерять? Нет, нет, прошу тебя, не заставляй меня идти против моей совести! Лучше я найду для

тебя еще денег, а ты на них сумеешь раздобыть какие-нибудь другие документы.

— Маша, ты не имеешь права так подводить меня: я уже сообщил товарищам за границей, что у меня будет паспорт на имя Николаева. Это подло, в конце концов, — обещать и не исполнить!

— Я обещала любую помощь, зная твое сложное положение, но я же не знала, что ты потребуешь от меня совершить преступление!

— Сколько раз ты говорила нашим товарищам, что ради революции готова на все?

— Но разве можно идти на подлость даже во имя прекрасного

дела? Красть документы не только преступно — это безнравственно!

— Запомни, дорогая Маша: что полезно для революции, то и нравственно. А революция для тебя — это я. Когда твой муж уезжает в Кронштадт?

— Завтра вечером. А послезавтра утром его корабль выходит в море.

— Сколько он пробудет в плавании на этот раз?

— Только один месяц.

— Меня это устраивает. Завтра в полдень я пришлю к тебе товарища за паспортом. Он придет на кухню под видом печника и вызовет хозяйку: ты выйдешь к нему и

вынесешь паспорт.

— Ох, я не знаю...

— Пойми, Машенька, от тебя сейчас требуется последняя жертва. Потом я уеду за границу и вернусь только тогда, когда все будет готово к перевороту. И тогда, Маша, у нас начнется другая, счастливая жизнь. Мы сможем наконец соединиться, отбросив унижающую нас ложь, и жить втроем — ты, я и наш сын. Кстати, а где он? Что ж ты мне его не покажешь, Машенька? Я давно не видел нашего мальчика.

— Он в детской. Пойдем к нему, дорогой.

Вот так Сын Вождя узнал о себе правду.

Но тогда он ничего не понял и только обрадовался, что его не обнаружили за оконной занавеской. Осознал услышанное он гораздо позже, но именно эти детские воспоминания мучили ему душу и делали его несчастным.

Его папа, военный моряк, в момент революционного переворота находился в морском походе, ведь еще шла Первая мировая война. В послереволюционную Россию он не вернулся, но присылал за мамой и за ним верных людей. Мама покидать Советскую Россию категорически отказалась и передала с посланцами письмо: «Тут я ему все объясняю...» — и больше он о папе никогда

ничего не слышал.

У них с мамой началась какая-то странная, фантастическая жизнь. Мама стала артисткой агитационного поезда и ездила с ним по всей стране, а его оставляла со старой нянюшкой. Теперь Сыну Вождя кажется, что он уже тогда предчувствовал свою ужасную судьбу и потому был таким тихим мальчиком: в школе ни с кем не водился, а дома почти все время проводил за книгами. Мама горела революционным восторгом, ей почему-то нравилась эта сумасшедшая, какая-то болезненно возбужденная жизнь на развалинах прежней жизни, и восторга ее

хватило до самого двадцать третьего года, когда их вдруг арестовали как жену и сына царского офицера. Их разделили сразу же по прибытии в ДОПР — Дом предварительного заключения. Прощаясь, мама уверяла его, что, как только Вождь оправится от болезни, он тотчас свяжется с ними и освободит их. Больше он ее не видел.

Сын Вождя никогда не винил своего настоящего отца в их с матерью несчастье: глупо и неблагородно ненавидеть того, от кого ждешь спасения и защиты. А он — ждал. Но Вождь так и не спас их: как потом узналось, он в это время уже был неизлечимо болен.

После сеанса он вышел на улицу вместе со всеми зрителями и прошелся несколько раз взад-вперед, взволнованный, какой-то даже окрыленный. У него впервые появилась гордость за отца и даже смутное желание с кем-нибудь этой гордостью поделиться.

Потом он пересчитал деньги и взял билет на следующий сеанс. Кассирша предупредила его, что фильм уже начался, но он пропустил только детский мультфильм. И он, Сын Вождя, сидел в темном зале и плакал от любви к Вождю и от светлого чувства примирения с судьбой.

После этого он целых два года

вспоминал каждое слово, произнесенное Вождем с экрана, каждую черточку его лица, малейшую интонацию голоса, и прежний пугающий образ, с детских лет носимый в памяти, совершенно стерся под этими новыми наслоениями памяти. Дома он часами глядел на свое отражение в зеркале ванной, пытаясь в своем лице разглядеть черты Вождя. Но, увы, он был похож на свою мать.

Через два года, в очередной ЕГО ДЕНЬ, он снова добрался до своего маленького кинотеатрика на Петроградской стороне. Шел фильм о последней войне и о новом Вожде. Он все четыре года войны провел за

решеткой и решил обязательно этот фильм посмотреть.

Он вошел в пустое фойе почти за полчаса до начала сеанса и заглянул в отворенную дверь читальной комнаты. Там никого не было. Он вошел, но подсесть к столу с подшивками газет не решился, а просто прохаживался вдоль стоявших у стены книжных шкафов. В одном из них он увидел ряды одинаковых красных томов с именем Вождя на корешке. Он понял, что все это — сочинения его отца. Дрожащими руками он прикоснулся к дверце, и она оказалась незапертой. Он с трепетом вынул первый том. Аккуратно прикрыв дверцу шкафа,

он сел на стул подальше от дверей и углубился в чтение.

Первая статья посвящена была сельскому хозяйству и была полна рассуждений об экономике и статистических данных; он ровно ничего в этих цифрах и рассуждениях не понял, но уже сама их абсолютная непонятность внушала уважение. Он поставил этот том обратно на полку и стал смотреть другие книги в этом чудесном шкафу. Ему опять повезло: на нижней полке шкафа он обнаружил книгу о Вожде, предназначенную для детей, в ней было множество фотографий и рисунков. И он пошел на

преступление — решил унести эту книгу. Оглянувшись и убедившись, что читальная комната все еще пуста, он расстегнул плащ, пиджак и сунул книгу за брючный ремень.

Фильм был цветной, музыкальный и героический, но на его взгляд слишком шумный. И пока он смотрел на экран, рука его то и дело ощупывала книгу на животе, а сам он напряженно думал, где бы ему найти укромное место для чтения.

Обычно СВОЙ ДЕНЬ он проводил в парке, пока не замерзал: тогда он садился в трамвай и ехал к дому. В трамваях тепло, к вечеру в них зажигают электрический свет, а

самое главное — многие люди читают в городском транспорте, он это видел не раз. Вот в трамвае он и прочтет книгу!

Фильм наконец-то кончился. Он вышел из кинотеатра, сел в трамвай, нашел свободное место, извлек книгу и принялся за чтение. Ах, какая это была замечательная, упоительная книга! Какой теплый, дорогой образ отца вставал перед ним с ее глянцевиных страниц! А какие в ней были фотографии! Он их рассматривал, гладил пальцами и даже, оглянувшись, приложился к одной из них губами...

— Гражданин! Кольцо, конечная остановка — выходите!

Он вздрогнул и оглянулся. В трамвае никого не было, кроме него и кондукторши. Он растерянно встал.

— Вы что, зачитались и проехали свою остановку? — улыбаясь, спросила кондукторша.

— Да, проехал...

— А что это вы читаете? Он показал ей книгу.

— А, вон у вас какая книга! Ну, не беда! Можете ехать в обратную сторону со старым билетом, только теперь уж постарайтесь свою остановку не проморгать.

Трамвай постоял на кольце и поехал в обратную сторону. Он еще несколько остановок читал, а потом вышел и пересел на другой трамвай.

В этот день он не только успел дочитать книгу, но и доехать до кинотеатра, купить билет и вернуть книгу на место. И хотя ему пришлось еще раз посмотреть шумный фильм о падении Берлина, это все равно был удивительно счастливый день, и счастья этого ему хватило еще ровно на год.

Через год в городе опять была вьюга, и опять был ЕГО ДЕНЬ. Он с утра поехал в свой кинотеатр и взял билет на первый утренний сеанс. У него было искушение взять ту же самую книгу и еще раз перечитать ее, но он рассудил, что стоит попытаться сделать новые открытия. Он решил просмотреть тома

сочинений Вождя и начал с последнего. Том этот был посвящен переписке Вождя. У него замерло сердце: а вдруг он найдет письма Вождя к его матери?

Он снова спрятал книгу на себе и пошел смотреть ненужный ему фильм-сказку про Кащея Бессмертного и Василису Прекрасную. Смотрел, впрочем, с большим удовольствием. Наконец зрителей выпустили из кинозала, он вышел на улицу, дождался трамвая, сел и углубился в изучение переписки Вождя.

Писем к матери он не нашел, хотя начал читать с года своего рождения. Но зато он нашел письма

Вождя к соратникам, подписанные его собственной фамилией, то есть фамилией мужа его матери — Николаев. Он понял, что мать все-таки передала тогда паспорт мужа Вождю. В примечаниях к письмам было сказано, что Николаев — одна из партийных кличек Вождя. И ни слова о том, откуда появилась эта «кличка».

Он был разочарован. Он все-таки надеялся найти неоспоримое документальное свидетельство того, что у Вождя был тайный сын. Не для кого-нибудь — для себя...

Конечно, когда-то он об этом думал всерьез. Он даже вынашивал мысль о побеге из-под надзора

«кожаных курток» Он понимал, что для того, чтобы открыть миру великую тайну своего происхождения, ему нужны сообщники, готовые ему помогать. И он искал их. Это было уже после психбольницы, когда он жил под надзором, но все-таки на воле. Ему уже разрешалось свободно выходить из дома и гулять по улицам — в своем районе, недалеко от дома, конечно. И он был еще относительно молод тогда, здоров и еще мечтал о свободе и счастье.

Однажды он подошел в скверике к компании молодых людей, в разговоре которых ему послышалось имя Вождя. Он подошел к ним и

сказал:

— Вот вы сейчас назвали имя великого человека. А вы знаете, кто я? Я — его сын! Да-да, родной и единственный сын! И если вы мне поможете...

Сын Вождя был готов к чему угодно — к недоверию, негодованию и даже насмешкам, но не к тому, что он услышал.

— Ты что, дядя, ненормальный или пьяный? За такие слова знаешь, куда угодить можешь? Еще и нас за собой потащишь. А ну, катись отсюда, да поживей! Тоже мне Сын Вождя нашелся!

Парни угрожающе двинулись на него, а когда он повернулся, чтобы

уйти, кто-то из них догнал его и дал ему пинка. Он пробежал несколько шагов и упал. Сзади раздался хохот. Сын Вождя поднялся и ушел, не оглядываясь и глотая слезы. Он был вдвое старше этих ребят, но драться совсем не умел, да и не хотелось ему с ними драться.

Прошли годы, теперь он искал одной лишь правды об отце и неожиданно нашел ее в этом последнем томе с перепиской. Нашел и ужаснулся. Именно из этой переписки Сын Вождя понял, что он и его мать были такими ничтожными вешками на жестоком пути Вождя к власти, что только профессиональная привычка

придавать значение мелочам заставила «кожаных курток» уделять так много внимания самому факту существования сына Вождя. Для Вождя этот факт, разумеется, никакого значения не имел.

Ненависть к любому противлению и несогласию, жестокость к врагам, настоящим или мнимым, сопротивляющимся или поверженным, упоение самой возможностью проявлять насилие — вот чем были полны письма, записки и резолюции Вождя. Он читал строки этих документов, и ужас охватывал его.

Сын Вождя на несколько дней утратил всякую осторожность. Он

принес книгу домой, на ночь спрятал ее в шкафу под теплым бельем, а на завтра снова вышел из дома и полдня ездил на трамваях, дочитывая ужасный том. Он рисковал как никогда — почти никогда, потому что рушилось все: не он один был обманут — весь мир был обманут! Он читал и не понимал всеобщего ослепления: как же другие читают эти письма и не видят истины? Как можно не заметить этой сатанинской злобы, коварства и полного равнодушия не только к отдельным людям, но и к человеку вообще? Но — не замечали! Это было чудовищно, необъяснимо, здесь действовала какая-то

государственная мистика.

Он понял, что и его самого продолжали скрывать от мира уже не потому, что его положение могло быть кем-то использовано как знамя переворота, но лишь потому, что он был НЕЗАКОННЫМ сыном Вождя, это могло бросить тень небезупречности на культовую личность. Они и убить его не смели оттого, что тайна этого убийства тоже могла когда-нибудь всплыть и нанести урон каноническому образу Вождя.

Он не стал возвращать книгу в кинотеатр, просто оставил ее на сиденье в трамвае.

Он уже давно проехал свой

кинотеатр. Ах, пора, давным-давно пора бы все простить и забыть, да вот, не получается...

По другую сторону из окон трамвая стал виден парк, и он пересел на ту сторону, чтобы поглядеть на деревья. Он очень любил деревья и стал смотреть на них, чтобы отвлечься от мыслей о Вожде: не хотел он сегодня думать о нем, совсем не хотел...

Ветер в парке гулял свободней, чем по улицам, гонимый им снег вздымался от земли седыми вихрями и завивался в крутые столбы, и вдруг ему показалось, что между черных стволов мелькает некто в сером балахоне, с белыми волосами и

бородой, развеваемыми ветром. Старец Нектарий? Он часто вспоминал его лицо, морщинами и цветом похожее на половинку грецкого ореха.

Отшельник отец Нектарий, которого он встретил когда-то на Кавказе... Навряд ли он еще жив, ведь ему и тогда, в дни юности Сына Вождя, было лет под сто. А вот не забывается никак.

Иногда Сын Вождя просыпался среди ночи, как будто разбуженный чьим-то требовательным окликом или прикосновением. Ему казалось иногда, что кто-то случайно позвонил в его звонок, и он долго лежал без сна, ожидая, что

разбудивший его звук повторится. Ничего не происходило. И тогда он вставал, шел на кухню, пил холодную воду из-под крана и клал под язык таблетку валидола. Потом он возвращался в комнату, снова ложился, но заснуть уже не мог. Именно в такие ночи он вспоминал старца Нектария и тихий его голос: «Молись о своем окаянном отце, Георгий!».

Как-то в январе у Сына Вождя случился грипп. К нему вызвали врача из тюремной больницы. Этот врач, сам уже старик, вообще-то неплохо к нему относился: лет десять назад, когда у него было воспаление легких, он даже принес

ему из дома старенькую фуфайку из ангорской шерсти, которая до сих пор его выручает.

— У меня полтюрьмы больны гриппом, — сказал доктор, сердясь то ли на эпидемию, то ли на своих пациентов-арестантов, то ли на Сына Вождя. Он сделал ему какой-то укол и удалился, оставив горсть таблеток парацетамола.

Больше врача к нему вызывать не стали, только приносили еду. Температура не спадала, он страшно кашлял и бредил по ночам.

И вот ему привиделось в бреду, что он стоит в сумерках на маленьком островке посреди необозримого болота, края которого

скрываются в белесом тумане. По всему болоту чернеют силуэты мертвых деревьев с воздетыми к небу голыми сучьями. Какие-то таинственные мрачные существа беззвучно ползают у него в ногах, но он не может ни разглядеть, ни отогнать их. Вдруг в тумане появилась светлая точка и стала приближаться к нему. Он напряженно глядел в ту сторону и вскоре увидел двоих, бредущих к нему по болоту: один, высокий и сутулый, шел впереди, а другой, кажется ребенок, брел за ним, спотыкаясь и раскачиваясь на ходу. В первом он узнал отца Нектария. В руке старец нес кованый железный

фонарь с горящей внутри свечой.

— Не послушал ты меня, Георгий, — укоризненно сказал старец. — Взгляни на своего отца. Неужто и теперь не пожалеешь его?

Старец поднял фонарь, и вперед вышел тот, кто шел за ним. Это оказался человечек с телом как у семилетнего ребенка и взрослой головой, лысой и бородатой... Голова, казалось, крепко спала, глаза были закрыты, а тело двигалось рывками, словно кукла на веревочках. Сын Вождя с ужасом узнал в этом уродце своего отца. Человечек приближался к нему, но едва не прошел мимо. Подойдя почти вплотную, он опустился на колени и

протянул к нему маленькие усохшие ручки; из-под его сомкнутых век без остановки текли быстрые слезы, мокрая слипшаяся борода мелко дрожала, он силился и не мог открыть ни глаз, ни рта. Сын Вождя закричал и проснулся, а потом долго лежал, обливаясь потом и тяжело дыша. Прибредится же такое...

Когда он оправился от болезни, он попытался раз и навсегда избавиться от этих ночных ужасов. Дождавшись СВОЕГО ДНЯ, он пошел в Никольский Морской собор, чтобы помолиться за отца Богу, которого он уже не помнил и в которого не верил. Он решил выполнить волю старца, чтобы во

сне, если тот опять ему привидится, иметь право сказать: «Я молился за отца, теперь оставьте меня, пожалуйста, в покое».

Он попал к началу службы. В собор еще только начали собираться старушки; они покупали свечи и обходили с ними иконы.

Как ни странно, войдя в храм и оглядевшись, он его узнал. В детстве он ходил именно сюда, в Никольский собор, с папой и мамой. Его даже причащали — вспомнилось ему крепко забытое слово.

Возле дверей он увидел что-то вроде конторки, за которой пожилая женщина торговала свечками. Он встал в очередь и купил одну свечку,

не самую дорогую. Потом пошел тихонько вдоль стены, раздумывая, куда положено ставить свечи за покойников? Так незаметно для себя он дошел до старушек, сгрудившихся перед закрытым алтарем. Молодой служитель что-то негромко читал монотонным голосом, а они прилежно кланялись и крестились.

Сын Вождя прислушался к тому, что читал служитель, но не понял почти ни слова. Ему вдруг вспомнился разговор, который произошел когда-то между папой и мамой, когда они выходили из этого храма после долгой-долгой службы.

— Зачем они все читают на этом непонятном языке? — почему-

то обиженно спросила мама. — Абракадабра какая-то — ничего не понять!

В ответ папа засмеялся и сказал: — Машенька, ты свободно говоришь по-французски, знаешь английский и немецкий, а начав серьезно заниматься пением, легко выучила итальянский. Почему бы тебе, с твоей способностью к языкам, не изучить заодно церковно-славянский, чтобы говорить на нем с Богом и понимать язык своей Церкви?

— Ты всегда смеешься надо мной! — обиделась мама.

Сын Вождя невольно улыбнулся своим воспоминаниям, но тут же

погасил неуместную в храме улыбку.

— Что это идет за служба? — шепотом спросил он одну из старушек.

— Поздняя литургия, батюшка, часы читают.

— А вы не подскажете, как бы мне помолиться за покойника?

— Новопреставленного?

— Как? Я что-то не понял...

— Когда помер покойничек-то?

— В двадцать четвертом году.

— У-у-у! Панихидку отслужить надо бы... А тебе усопший кем приходится?

— Отцом.

— Православный был?

— Вот этого точно не скажу.

— А сам-то ты в Бога веруешь?

— Извините, нет, не верю.

— А в храм пришел... Ну, бывает. Так может, отец твой тоже в Бога не верил? Это еще рассудить надо, можно ли за него и свечку-то ставить. Батюшку надо бы спросить. А кто он был, отец твой, профессия у него какая была?

— А профессия у него была — вождь мирового пролетариата.

— Чегой-то ты, батюшка, заговариваешься. Ты, может, хулиганить сюда пришел? Ступай-ка лучше отсюда, пока я служителей не позвала!

Старушка суетливо закрестилась и посеменила от него в сторону,

вертя головой, — не иначе искала
служителей. Не желая
неприятностей, он вышел из храма,
так и не поставив свечи.

Проходя через церковный сквер,
он аккуратно положил свечу на
пустую скамейку — авось
проходящая к храму старушка
победней приберет его свечку и
поставит к какой-нибудь иконе, а уж
там, наверху, разберутся. И он
побрел к трамвайной остановке.

Хотя его хождение в храм
закончилось неудачей, оно имело
последствия. Прекратились
таинственные ночные оклики, и
старец больше ему не снился. Теперь
он и сам порой думал о нем долгими

пустыми ночами, когда его одолевала бессонница, и даже звал его. Ему и жутко было, и хотелось снова услышать его во сне. А иногда он мечтал: вот встретить бы настоящего монаха, пусть не старца и не прозорливца, а просто умудренного знанием о какой-то другой, вечной стороне жизни и ее законах, и побеседовать ним. Но ему вспоминались обезображенные, оскверненные стены Соловецкого монастыря, Сергиевой пустыни, и он понимал, что неоткуда взяться такому монаху. Та встреча в горах была чудом, и теперь он не ждал повторения: в его жизни и простых-то событий было немного, что уж о

чудесах мечтать...

И хватит, хватит этих воспоминаний! Не для того он готовился и рисковал, чтобы тратить СВОЙ ДЕНЬ на прежние обиды и переживания. Сегодня он будет вспоминать о счастье, о Марине, о море и солнце — для этого он и едет на Острова.

И потом, если хорошенько подумать, разве он сейчас так уж несчастен? Он видел на улицах города стариков, одетых гораздо хуже него, видел нищих инвалидов. В кино, в «Новостях дня», которые часто шли в начале сеанса, показывали всеобщее благоденствие и процветание, люди с экрана

говорили о своем счастье и о счастье всего советского народа, но он знал, что, если это даже и правда, то ведь не вся правда: ему приходилось видеть и другое...

Как-то, идя по пустынной площади, он заметил, как аккуратная старушка, неплохо одетая — в пальто с воротничком из цигейки, в теплых бурочках, в чуть потертой меховой шапочке пирожком, — подобрала брошенную кем-то надкушенную булочку, завернула ее в носовой платочек и положила в сумку. Заметив его взгляд, старушка опустила голову и заспешила прочь. Он хотел ее догнать и предложить немного своих денег, он вполне мог с

нею поделиться — но не осмелился, боясь смутить ее еще больше, может быть, даже оскорбить. «Как ужасна должна быть униженная старость», — подумал он тогда, глядя вслед старушке с булочкой.

Да, его старость по крайней мере была хоть как-то обеспечена. А несправедливость — ну так что ж с того? Теперь он хорошо знал, что не с ним одним поступили несправедливо, тут счет шел на миллионы. На шестьдесят шесть миллионов — так вот...

Конечно, он мог бы выйти к людям и объяснить им, что их обманывают, но собственная немощь и усталость шептали ему: а зачем?

Однажды в пустом вагоне трамвая он дремал, укутав лицо шарфом и прикрыв глаза, и вдруг услышал негромкий разговор двух мужчин, сидевших через два сиденья перед ним.

— ...им выгодно обвинять не основоположника, а его последователей: дескать, Вождь и его единственно верное учение безупречны, но на практике были допущены искажения.

— Гладко было на бумаге, да забыли про овраги.

— Вот-вот! Народ не знает, что все последующие зверства и репрессии выросли из тех, что были санкционированы самим Вождем

уже в самом начале, сразу после прихода к власти.

Сын Вождя вздрогнул, заволновался — и вдруг решился. Он встал и подошел к беседующим:

— Простите, молодые люди, я нечаянно услышал ваши последние слова. Я не сумасшедший, и мне ничего от вас не нужно. Я просто устал молчать, и, если бы вы согласились меня выслушать... Я сын человека, о котором вы только что говорили.

Они, молодые, интеллигентные, хорошо одетые люди — один с длинными кудрями почти до плеч, второй с небольшой породистой бородкой, — смотрели на него с

удивлением, с интересом, но без гнева и страха и, кажется, совсем не собирались над ним смеяться. Они переглянулись, и тот, что с бородкой, сказал:

— Давайте выйдем из трамвая и зайдем в кафе, выпьем по чашке кофе и поговорим. Не возражаете?

— Это было бы прекрасно!

— У вас, надеюсь, есть время, Виталий Андреевич? Жаль упускать случай познакомиться с таким интересным человеком.

— Время найдется, только кофе за ваш счет, Юрий Алексеевич, я пуст!

Сын Вождя отметил: совсем еще молодые люди, обоим далеко до

тридцати, явно друзья, — потому что разве можно обсуждать подобные темы не с друзьями? — а зовут друг друга по имени-отчеству и на «вы». Он засуетился и заспешил к выходу, оглядываясь на них, — трамвай как раз подкатил к остановке.

Когда они вышли из трамвая, Сын Вождя торопливо сказал:

— Позвольте мне пригласить вас, у меня есть деньги! Только вы мне поможете — я никогда не был в кафе.

Юрий Алексеевич предложил кафе «Мороженое»:

— Зимой там почти никого не бывает, и мы сможем спокойно посидеть и побеседовать.

В кафе он выложил на столик все, что у него было запрятано за отпоротую подкладку пальто, — десять рублей и три рубля.

— Этого хватит на кофе?

— Хватит и останется, — сказал Виталий Андреевич, беря три рубля, а десятку отодвигая.

Сын Вождя внимательно смотрел, как подходит к стойке, заказывает кофе, расплачивается и с подносом возвращается к их столику.

Кофе, оказывается, стоил очень дешево: Виталий Андреевич положил перед Сыном Вождя два рубля сдачи с мелочью.

Они пили кофе, и Сын Вождя рассказал им всю свою жизнь, даже

про Марину и про белый камень не утаил, рассказал и про старца Нектария. Они слушали очень внимательно, иногда переглядываясь, иногда замечая:

— Вы понимаете, Виталий Андреевич, когда это происходило?

— Да, конечно, Юрий Алексеевич: как раз в этот момент резко поменялся политический курс.

По всему было видно, что они сразу поверили ему и верили каждому его слову.

Когда он кончил, все трое долго молчали. Потом заговорил Юрий Алексеевич, тот, что носил бородку.

— Все, что вы нам рассказали, — начал он, —

чрезвычайно интересно. Это полностью укладывается в наше представление об этом человеке, о его морали. Ну а что касается ваших тюремщиков, так ведь не с вами одним обошлись так круто: по некоторым данным, только в результате репрессий было уничтожено шестьдесят шесть миллионов российских граждан. Заметьте, Виталий Андреевич, — шестьдесят шесть, неполное число Зверя! А уж сколько исковеркано судеб — это подсчитать не дано никому, кроме Господа Бога. Если вы веруете в Него — утешайтесь тем, что на Страшном Суде все казненные и обездоленные восстанут и

предъявят счет палачам. По этому счету вы — счастливый человек: там, на последнем Суде, вы определенно будете стоять в ряду жертв, а не палачей, и потому будете помилованы. А здесь, на земле... Поверьте, пока ничего, ровным счетом ничего нельзя сделать. Многие знают правду, а что они могут? Ну, поговорят на кухне с друзьями или вот как мы с вами — в пустом кафе да и разойдутся. А ваша личная история... Допустим, вы ее запишете, а мы распространим, передадим на Запад, и там ее опубликуют. И каков же будет результат? Они вас моментально вычислят и уничтожат!

— Я готов к смерти...

— Да нет, вы меня не поняли!

Они не станут вас убивать, они теперь это очень редко практикуют. Но у них есть методы пострашнее расстрела: они вас засадят в психушку уже до конца ваших дней. Лично я не советую вам идти таким путем. Попробуйте вместо того потребовать от них смягчения надзора, права встречаться с людьми, заводить знакомства.

— Не думаю, что они на это пойдут.

— А вы попытайтесь. Но если даже ваше положение не изменится, подумайте о том, что домашняя тюрьма, в которой вас теперь

содержат, — это не самое худшее место заключения в нашей стране. У вас вот и после пребывания в казанской спецпсихбольнице сохранились ум и память, а в нынешней психбольнице, даже обыкновенной городской, вас могут лишить и того, и другого — теперь у них есть для этого специальные врачи и лекарства.

— А знаете, о чем я подумал? — вступил в разговор доселе молчавший Виталий Андреевич. — Неплохо было бы записать ваш рассказ и припрятать его до лучших времен: сохранить, так сказать, для истории.

— Это возможно? Вы можете

это сделать? — заволновался Сын Вождя.

— Ни я, ни Юрий Алексеевич не можем — мы художники, а не писатели. Но, если вы позволите, мы перескажем вашу повесть кому-нибудь, кто сумеет ее записать и сохранить. Согласны?

— Согласен, конечно, согласен!

— Ну, вот и хорошо. А теперь нам, пожалуй, пора расходиться...

— Обождите, пожалуйста, еще совсем немного! Я хочу предложить вам одну вещь... Я вижу вон там, на полке за стойкой бутылки с шампанским. Прошу вас, скажите мне, а хватит этих денег на то, чтобы нам с вами, втроем, выпить по

бокалу шампанского? Знаете, мне приходилось пить вино, а вот шампанского я не пил ни разу в жизни, только видел в кино, как его пьют люди в торжественных случаях. Можно сказать, у меня сегодня торжественный день — не откажите мне, прошу вас! Я только не знаю, хватит на это десяти рублей?

Юрий Алексеевич улыбнулся, взял из его рук деньги и отправился к стойке за шампанским.

Он пил ледяное шампанское, и оно ему ужасно понравилось. Но еще больше ему нравилось, что напротив него с такими же высокими тонкостенными бокалами в руках сидели другие люди, с которыми он

только что вел долгую беседу, и они, кажется, понимали его. Ему было очень хорошо и очень грустно.

Потом они вместе вышли из кафе и простились. Друзья пошли в одну сторону, а Сын Вождя — в другую.

И с тех пор, а прошло уже несколько лет, ему не пришлось больше ни с кем разговаривать, а уж тем более... пить шампанское.

А ведь прав был умный и осторожный Виталий Андреевич: его тюрьма не из худших. И почему ему так хотелось, чтобы его официально признали сыном Вождя? В соседнем корпусе казанской психбольницы в одно время с ним сидел вполне

законный и всеми признанный сын второго Вождя — помогло это ему? И у него все же были ЕГО ДНИ СВОБОДЫ, пусть не каждый год, но ведь из психушки и раз в два-три года тайком на прогулку не сбегаешь. Да что там, об этом и думать теперь нечего...

А вот о чем еще подумалось. Что-то всегда происходило таинственное в природе в эти дни. Похоже, что Вождь, переворачивая пласты устоявшейся жизни целой страны, терзая живую плоть огромного народа, сам того не ведая, задел какие-то природные, стихийные глубины. Сын Вождя замечал, что в день смерти его отца,

и на другой день тоже, либо стоял лютой, мертвящий холод, либо заворачивала-крутила неожиданная метель. Если стоял мороз, а в туманном небе висело стылое трупное солнце, он на улицу не выходил: ЕГО ДНЯМИ были только метельные дни.

Между тем двенадцатый трамвай уже свернул с городских улиц и шел теперь под заснеженными деревьями островного парка. Миновали последние редкие дома, вот и кольцо трамвая. Он вышел и быстро пошел по аллейке вглубь парка.

Его любимое место было неподалеку от дворца, возле

заколоченной летней эстрады. В такую погоду здесь никогда не было ни души. Он стал искать глазами свою скамью, прятавшуюся в кустах за эстрадой. Кусты стояли так плотно и были так завалены снегом, что, если бы даже кто-то прошел по аллее, он не увидел бы за ними Сына Вождя.

Он и сам с трудом разглядел черный край своей скамейки, заваленной снегом по всей длине: под горбатым сугробом скамья напоминала гроб. Он наклонился и заправил брюки в носки, а потом уже побрел по глубокому снегу к скамье. Вынув из кармана шапку, он стряхнул с ее края тяжелый

слежавшийся снег, расчистив место для сидения, потом утоптал снег перед скамьей, чтобы он не набивался в ботинки. Закончив все приготовления, он сел и приготовился к тишине.

В его уголку было спокойно, даже метельный ветер, прорываясь к нему сквозь заснеженные кусты, по пути сюда почти терял свою бешеную силу и только покачивал ветки кустов.

Вот теперь он был совершенно один и свободен, вот и пришло время для его самых дорогих воспоминаний. Сын Вождя вынул из кармана пальто спичечный коробок, достал из него небольшой белый

камень-голыш, посмотрел на него, потом спрятал в ладонях и тихонько проговорил:

— Белый камень у меня, у меня... Говорите про меня, про меня...

Это было в тридцатом году, когда ему было почти двадцать. Что-то уже давно начало меняться наверху — в Кремле и внизу — в стране. Весной «кожаные куртки» перевезли Сына Вождя из Соловецкого лагеря в Петроград. Все лето его держали в одиночке в Крестах, а осенью перевезли в пригородное местечко Стрельна, где на месте разгромленной Сергиевой пустыни была открыта милицейская

школа. Там он провел несколько месяцев под бдительным надзором курсантов, которым было приказано следить за ним, но категорически запрещено с ним общаться.

Сыну Вождя понравилась его новая тюрьма. Как и на Соловках, у него была холодная одиночная камера-келья, и он мерз по ночам, но зато утром дверь камеры отпирали, и он мог выходить и гулять хоть весь день по прекрасному монастырскому парку, который пока только начали вырубать. Сразу за школой был Финский залив; конечно, на берег ему выходить не разрешалось, но пока залив не покрылся льдом, он мог издали глядеть на

проплывающие пароходы, лодки и яхты. Он быстро сообразил, где находится Кронштадт, и в ясную погоду уверял себя, что видит золотинку креста Андреевского собора. А на северном берегу, на Карельском перешейке — теперь это была граница, Финляндия — стояла их покинутая навсегда дача, их милый «Кукушкин домик». Он смотрел в ту сторону и фантазировал, что папа приезжает по-прежнему отдыхать на их дачу, гуляет по берегу, смотрит в сторону Советской России и думает: что же стало с этим мальчиком, которого он так долго считал своим родным сыном?

Несколько раз его водили в милицейский клуб, когда там «крутили кино». Однажды он видел документальный фильм, в котором был показан деревянный мавзолей и сказано, что в этой усыпальнице выставлено на всеобщее обозрение набальзамированное тело Вождя.

Голос за кадром возвестил, что этот деревянный мавзолей — временный и что уже строится другой, каменный, на века. Сын Вождя был взволнован и растроган.

Так прошли осень, зима и весна. Он уже начал привыкать к этой жизни, как вдруг в начале лета за ним приехали «кожаные куртки» и спешно перевезли на автомобиле из

Стрельны в Ленинград — теперь уже не Петроград, а оттуда, поездом — в Москву. Ехал он под конвоем, но вечером ему принесли горячий чай, а на ночь взяли для него постель у проводника.

В Москве его поселили в роскошном номере большой гостиницы. Номер был из двух комнат, гостиной и спальни, и даже с ванной. Правда, в гостиной постоянно сидели двое вооруженных охранников, но по сравнению с его унылой комнатой-кельей в стрельнинской милицейской школе-тюрьме этот гостиничный номер был очень хорош. Видывал он когда-то гостиницы и побогаче и в парижском

«Савое» жывал с папой и мамой, но ведь то когда было! После железной койки и серого белья, после грязной и холодной общей курсантской бани, куда его водили после всех, он наслаждался горячей ванной, мягкой и упругой постелью со снежно хрустящим бельем. А уж о завтраках, обедах и ужинах, какие ему доставляли в номер, и говорить нечего! Вместо осклизлых вареных макарон, вместо хлебно-мясных биточков и капустных зраз, которые даже политически подкованные молодые чекисты иначе как «заразами» не называли, ему теперь подавали настоящие ростбифы и бифштексы, хрустящий жареный

картофель и салаты из свежих овощей. По воскресеньям на стол ему ставили полбутылки легкого красного вина.

Его приодели. Принесли настоящий костюм, две рубашки, две смены белья, полдюжины носков и целую дюжину носовых платков! Теперь он мог за едой пользоваться ими вместо салфетки. А взамен ватника ему дали серую шерстяную куртку и бежевый плащ.

Днем его выводили на прогулку, и он радовался, разглядывая город, в котором бывал лишь в далеком детстве. Конечно, Петербург ему нравился больше Москвы, но настоящего Петербурга, который он

помнил, уже давно не было.

Его даже свозили в Третьяковскую галерею, и это доставило ему громадное удовольствие. Правда, по музею его водили в выходной день, когда в залах работали уборщики и реставраторы, а посетителей не было.

Осмелев, он попросил сводить его в мавзолей Владимира Ильича Ленина, и, как ни странно, ему в этом не отказали.

В мавзолей его сопровождала группа товарищей. Энергичные и сосредоточенные молодые люди в штатском взяли его в плотное кольцо и, минуя длинную очередь советских

людей, съехавшихся со всей страны на поклонение Вождю, провели внутрь. Вместо деревянного мавзолея уже был построен каменный, очень мрачный, площадка вокруг мавзолея еще не была обустроена. Через какой-то боковой вход его ввели в усыпальницу, где на возвышении он увидел ЕГО. Зрелище оказалось неожиданно тяжкое и жалкое, несмотря на старательно организованную торжественность, на множество красных знамен и пышных венков: он глядел на желтое лицо трупа за стеклом, и ему совсем не хотелось узнавать его. Но никому в своих чувствах он не признался, не желая огорчать оказавших ему

любезность, и просто поблагодарил за экскурсию.

Однажды вечером ему было настоятельно рекомендовано спать не ложиться до особого распоряжения. Он сидел в гостиной своего номера и ждал. Часов в одиннадцать в номере появился Тот — человек, которого он встречал уже несколько раз в своей жизни. Именно он год назад приехал за ним на Соловки и сопровождал его в петроградскую тюрьму Кресты, а потом он же перевез его из тюрьмы в Стрельну. Он сам подобрал для Сына Вождя уединенную камеру-келью и распорядился запирать ее только на ночь; это по его указанию Сына

Вождя иногда водили в курсантский клуб и разрешали смотреть кино со сцены.

Когда он снова приехал за ним в Стрельну, один из охранников сказал другому:

— За нашим арестантом опять ТОТ приехал!

С тех пор Сын Вождя так его и звал про себя — Тот. Сын Вождя считал, что он приносит ему удачу.

Теперь Тот, ни имени, ни положения которого Сын Вождя все еще не узнал, пригласил его совершить «небольшую автомобильную прогулку в Подмосковье».

Они вышли из гостиницы,

свернули в ближайшую улицу, там сели в черный легковой автомобиль с плотными зелеными занавесками на боковых окнах. Сын Вождя сидел на заднем сиденье между двумя охранниками, а Тот — впереди, рядом с шофером. Ехали они довольно долго, не менее часа, сначала по ночным московским улицам, а затем по загородному шоссе.

Но вот машина свернула с шоссе, проехала по узкой асфальтовой дороге под большими черными деревьями и встала перед глухими железными воротами в высоком белом заборе. Тот вышел из машины, и к нему подошел

охранник. Он очень внимательно просмотрел документы, протянутые ему Тем, потом взял под козырек и пошел открывать ворота.

Они проехали через сад и остановились перед двухэтажным каменным домом.

— Выходим! — сказал Тот, и Сын Вождя вышел из машины вслед за первым охранником. Второй вышел за ними, и оба снова встали у него по бокам. Так втроем они и поднялись вслед за Тем по ступеням ярко освещенной террасы.

В дверях дома их ждали люди в зеленой военной форме. Сына Вождя обыскали. Его очень удивило, что обыскали также охранников и даже

Того — правда, последнего с намеком на извиняющиеся улыбки.

Затем они поднялись по широкой лестнице темного дуба на второй этаж и прошли в небольшую приемную. Здесь все вошедшие остановились возле обитой кожей двери и стали ждать. Из-за двери не доносилось ни звука, в приемной тоже никто не произносил ни слова. Через несколько минут их пригласили войти. Охранники прошли за ними и стали по сторонам двери.

В большом кабинете с плотно зашторенными окнами за длинным столом, уставленным бутылками минеральной воды и вазами с

фруктами, сидели пять человек. Все они были уже немолоды. По тому, как спокойно и важно сидели эти люди за столом, как долго и внимательно они его разглядывали, по тому, как после переглядывались между собой, делясь результатами своих наблюдений и понимая друг друга без слов, Сын Вождя понял, что все они — вожди. А еще он понял, что от них теперь зависит его судьба.

Один из пятерых, довольно плотный, невысокого роста, говоривший хрипловатым голосом и с заметным нерусским акцентом — но и не европейским, пригласил его пройти и занять кресло у торца

стола. Сын Вождя послушно сел и оказался сидящим напротив всей этой небольшой сплоченной группы вождей.

— Расскажите нам, пожалуйста, товарищ Николаев, все, что вы знаете о своем настоящем отце, — слегка подчеркнув слово «настоящий», произнес невысокий, казавшийся в группе старшим, и все приготовились слушать.

Сын Вождя уже приготовился было рассказывать, но тут он вдруг узнал в невысоком нового Вождя, того, чей портрет висел с правой стороны сцены милицейского клуба в Стрельне — слева, конечно, висел, как и положено, портрет его отца.

Он замер с полуоткрытым ртом.

— Это вы?.. — прошептал он, сглотнув слюну.

— А вы не ожидали?

— Нет, не ожидал...

— А вот я вас ждал, товариш Николаев! Если из двух людей один хочет встретиться — их встреча непременно состоится!

Сын Вождя не понял, что, собственно, хотел сказать Новый Вождь своей фразой, но, услышав, как присутствующие негромко засмеялись, тоже слабо и неуверенно улыбнулся.

— Ну вот, вы уже улыбаетесь — значит, пришли в себя, — одобрительно сказал Вождь. — Так

расскажите же нам вашу необычайную романтическую историю. Рассказывайте, не стесняйтесь. Мы тут все взрослые мужчины.

Сын Вождя понял, что Новый Вождь снова пошутил, лишь после того, как все присутствующие опять засмеялись негромким, деликатным смехом. Когда смешки затихли, он начал рассказывать и рассказал то небольшое, что знал о себе, о матери и о визитах Вождя в их дом.

— И это все? — спросил его Новый Вождь, как ему показалось, слегка разочарованный рассказом.

— Все. Да, это все. Я был очень мал тогда и многого не понимал.

Конечно, теперь я о многом догадался, но ведь это только догадки...

— И догадки могут нам помочь, если это полезные догадки, товарищ Николаев. Вот вы и расскажите нам, о чем же это вы догадываетесь? — с благодушной улыбкой предложил Новый Вождь.

И Сын Вождя откровенно рассказал все, о чем передумал за годы заключения: о том, что его мать полностью разделяла убеждения Вождя и помогала ему во всем совершенно сознательно, а не просто из любви — взять хотя бы ее ироническое отношение к Церкви или ненависть к царизму. Он

признался, что гордится своим происхождением, но понимает, что тайна его рождения должна остаться тайной, поскольку жива еще вдова, верный друг и соратник Вождя, и ей, конечно, было бы больно узнать о нем. И если память о его великом отце требует его устранения, он и это примет без ропота и с пониманием.

— Ну, что ж вы так... решительно, — усмехнулся Новый Вождь. — Вы слишком суровы к себе. Время требует от вас совсем не этого. И вы очень правильно делаете, что гордитесь своим отцом. Может быть, уже совсем скоро наступит момент, когда вы сможете открыто и всенародно назвать себя его сыном.

Нашему дорогому вождю ничто человеческое было не чуждо, в том числе и глубокое чувство к любимой женщине и ее сыну — мы пока будем это так называть. Что же касается официальной вдовы, то, по последним данным, она была нашему дорогому Вождю всего лишь партийным товарищем. Так что вопрос о настоящей вдове можно считать пока открытым...

— Настоящей вдове? — заволновался Сын Вождя. — Вы хотите сказать, что моя мать может быть признана... э... этой вдовой?

— Надо бы ее саму спросить...
А?

— Но мне сказали, что моя мать

умерла в тюрьме от воспаления легких!

— Вам показывали бумаги о ее смерти?

— Нет...

— Ну, вот видите! Нет бумаг — нет человека. То есть в данном конкретном случае как раз наоборот: нет бумаг о смерти — значит, человек скорее всего есть, и остается лишь его найти.

Вожди опять тихонько засмеялись очередной шутке, но Сын Вождя услышал этот смех сквозь внезапно возникший звон в ушах. Он вскочил с места, и огромный кабинет вдруг поплыл у него перед глазами, сидевшие за столом вожди

завертелись, как на карусели, и он едва не грохнулся навзничь на сияющий паркет.

— Э-э! Что ж это вы так разволновались? — участливо спросил Новый Вождь и вдруг рывкнул в сторону Того: — Да усадите же вы его в кресло и дайте ему воды!

Тот бросился исполнять приказ, бережно усадил Сына Вождя в кресло и подал ему стакан минеральной воды. Сын Вождя заметил, пока пил, что Новый Вождь и поднявшиеся из-за стола соратники быстро сошлись в тесный кружок и о чем-то наскоро переговорили. Потом Новый Вождь встал напротив Сына

Вождя и негромко, но внушительно и даже торжественно произнес:

— Дорогой товарищ Николаев! Я хочу вам сказать, что ваша судьба, как и судьба вашей матери, в дальнейшем целиком зависит от того, насколько вы проявите понимание сложности исторического момента. Наша страна окружена кольцом врагов, наши внутренние враги еще не все выявлены и уничтожены. Больше того — есть противники генеральной линии внутри самой партии. Если партия узнает о существовании единственного сына нашего дорогого Вождя, как и его настоящей вдовы, и решит обнародовать это открытие —

это укрепит традиции, возвращенные нашим великим учителем, ведь вы — да, вы, дорогой товарищ Николаев, в глазах сотен тысяч рядовых членов партии станете символом бессмертия Вождя. И мы с вами вместе нанесем сокрушительный удар по нашим противникам внутри партии! И если среди них окажутся некоторые родственники Вождя — тем хуже для них. Вот так. Вы нам доверяете?

— Конечно! И я готов на все! — взволнованно, но твердо ответил Сын Вождя.

— Вот и хорошо, — как-то очень просто сказал Новый Вождь. — Теперь мы подумаем над

тем, как вам отдохнуть после всего пережитого и набраться сил для грядущих великих перемен в вашей судьбе. Признайтесь, вам было нелегко, много пришлось пережить?

Сын Вождя пожал плечами: на фоне того, что ему только что было сказано, какое имели значение эти семь лет на Соловках?

— Вы правы, — понял его Новый Вождь, — не стоит держать обиду на исторический процесс и его закономерности. Впрочем, очень может быть, что в аресте вашей матери и вашем в двадцать третьем сыграла свою роль не история, а обыкновенная женская ревность... Но мы сейчас об этом пока не будем.

Мы постараемся сделать так, чтобы вы забыли все плохое. А теперь вы поедете отдыхать. Вы когда-нибудь были на Кавказе?

— Нет...

— А на Черном море?

— Тоже не довелось.

— Так мы вас отправим и на Кавказ, и на Черное море сразу.

Он улыбнулся и оглянулся на своих товарищей-вождей. Те тоже глядели на Сына Вождя с добрыми и ободряющими улыбками.

— А моя мать?

— Мы разыщем ее следы, будьте уверены. А сейчас мы пожелаем вам хорошего отдыха!

И сам Новый Вождь пожал ему

руку! Вслед за ним из-за стола поднялись остальные четверо и, соблюдая какую-то им одним понятную очередность, по одному подходили к нему и тоже пожимали ему руку, желая при этом благополучного путешествия на юг и хорошего отдыха.

Новый Вождь проводил его до дверей и даже раскрыл их перед ним. Сын Вождя заметил, что с Тем никто за руку не прощался. Из дома они вышли к автомобилю вместе, и, открывая для него дверцу автомобиля, Тот тихо сказал ему:

— Я вас поздравляю.

Они сели в машину, но уже без охранников — только они двое и

шофер. Впрочем, следом за ними ехала еще одна черная машина, так что охранники все же были неподалеку.

На Черное море они отправились поездом. Тот наконец представился ему и звался теперь товарищем Гавриловым. Он ехал в одном купе с Сыном Вождя и спал на второй нижней полке — верхние оставались незанятыми до конца их путешествия. Сопровождавшие их двое военных ехали в соседнем купе и дорогой держались очень скромно, в сторонке: например, ходили в вагон-ресторан всегда в одно время с ними, но никогда не садились с ними за столик.

Все три дня пути Сын Вождя почти неотрывно глядел в окно. Когда они ходили обедать и ужинать в ресторан (завтрак им приносили прямо в купе), он обязательно занимал место по ходу поезда и продолжал жадно смотреть на проносившиеся за окном пейзажи. Он, конечно, с детства знал, что живет в огромной стране, но только сейчас вполне оценил, насколько она велика и как разнообразна ее природа. Уже на второй день пути климат и пейзаж за окном резко переменились, воздух, врывающийся в приспущенное окно, стал раскаленным. На станциях Гаврилов покупал клубнику и черешню, сам их

мыл в туалете и щедро угощал Сына Вождя.

Наконец они прибыли на место. Он вышел из вагона вслед за Гавриловым и полной грудью вдохнул ласковый морской воздух: пахло какими-то разогретыми на солнце травами, пахло людьми, которым жарко, пахло паровозным дымом, мазутом и совершенно отчетливо — морем!

На вокзале Сына Вождя и Гаврилова встретила молчаливая группа военных. Их усадили в черный автомобиль и повезли по дороге, идущей вдоль берега моря.

Наконец они прибыли на место. Совсем недалеко от моря,

отделенный от него только темно-серой асфальтовой полосой шоссе и железнодорожной насыпью, за высокой кирпичной стеной располагался санаторий «для ответственных работников страны», как сказал ему товарищ Гаврилов.

Раскрылись железные ворота в кирпичной стене, и машина въехала на территорию санатория.

Сразу за воротами стояла небольшая каменная будка. Оставив Сына Вождя стоять на дорожке, Гаврилов вошел в будку и, как можно было понять по его голосу, хорошо слышному через открытое окно, стал звонить в Москву и докладывать кому-то об их благополучном

прибытии на место.

Несколько белых корпусов прятались в глубине роскошного парка, а вблизи он видел ухоженную зелень газонов и множество чудесных южных цветов, названий которых он не помнил, а может быть, и не знал никогда. Над обычными деревьями парка высились верхушки высоких пальм, размахивающих на ветру длинными и гибкими темно-зелеными перьями. Сын Вождя стоял возле своего чемодана и оглядывался в восторженном изумлении.

Откуда-то сверху на него наплывал пряный, чуть лимонный запах; он поднял голову и увидел большое темнолиственное дерево, на

ветвях которого покачивались неправдоподобные огромные белые цветы. «Магнолия», — вдруг вспомнил он. Он видел такие деревья в полузабытой прошлой жизни. Он вспомнил нарядных людей, белые платья и кружевные зонтики дам, целые горы цветов на улицах, ослепительно-белые, до ломоты в глазах, жестко накрахмаленные скатерти и салфетки на столиках, просторно расставленных на веранде ресторана. Он вдруг вспомнил даже вкус холодного лимонада из высокого запотевшего бокала. «Пей маленькими глотками, не то простудишь горло», — говорила ему мама. «Ницца» — так называлась та

удивительная жизнь.

— Берите чемодан и пойдёмте разыскивать наше пристанище!

Он вздрогнул, услышав голос Гаврилова, но послушно наклонился и поднял довольно тяжёлый чемодан со своими вещами, которых он ещё сам не видел.

Они прошли мимо цветников, мимо пруда со старыми ивами на берегу и каменной беседкой на островке, мимо прелестной прозрачной рощицы бамбука.

«Пристанище» оказалось отдельным маленьким домиком, наполовину укрытым за высокими кустами роз. В домике была гостиная, ванная комната с туалетом

и большим окном и две спальни: одну занял Гаврилов, вторую он предложил Сыну Вождя. Он сказал, что в домике они будут жить вдвоем.

Сын Вождя прошел в свою спальню. Он поставил чемодан возле платяного шкафа, присел на аккуратно застеленную кровать и покачался, наслаждаясь упругостью пружинного матраца. Потом положил чемодан на письменный стол, стоявший у окна, раскрыл его и, радуясь каждой вещи, начал раскладывать все по местам. Белье, халат, несколько рубашек, спортивный костюм и белый костюм из сурового полотна, легкие туфли с дырочками — сандалеты. Он

оглаживал каждую вещь и раскладывал, развешивал, перекладывал и перевешивал, и получал от этого истинное удовольствие.

Разобрав вещи, они с Гавриловым по очереди приняли ванну, немного отдохнули и отправились обедать в один из больших корпусов. И какой же обед им подавали! Впрочем, теперь уже и не вспомнить, какой именно обед был им подан в первый день по приезде, — в санатории прекрасно кормили во все дни их пребывания в нем. Да и не важно это, в конце-то концов, не в этом дело, хотя именно в столовой все и началось...

Очень умен был товариш Гаврилов. Он водил Сына Вождя в общую столовую, чтобы тот не чувствовал себя изгоем, отверженным, арестантом, но умел как-то так подгадать время, что, когда они входили в общий зал, там уже почти все столики были пусты.

Потому ни у кого не могло сложиться впечатление, что они намеренно избегают соседей.

Почти всегда еду им подавала одна и та же девушка, совсем юная, на вид лет шестнадцати. У нее была загорелая кожа, стриженные короткие русые волосы, детские, еще не совсем сформировавшиеся черты лица и серые глаза. Сыну Вождя она

очень нравилась, но он терялся, когда она, улыбаясь, подходила с подносом к их столику, выставляла кушанья и желала приятного аппетита.

— Симпатичная комсомолочка, — заметил как-то Гаврилов.

Сын Вождя ничего не ответил, но почувствовал, что краснеет от гнева: что-то в голосе Гаврилова ему очень не понравилось.

Однажды Сын Вождя услышал, как ее окликнул кто-то из других официанток: «Марина!». Так он узнал ее имя. Марина была первой женщиной, которую он видел так близко и так часто после долгих лет

пребывания среди мужчин, не считая, конечно, тюремных надзирательниц и курсанток милицейской школы — но, помилуйте, разве же это были женщины!

Раза два он видел, как Марина проходила по дорожкам парка, но всегда на значительном расстоянии от него. Если бы даже он вздумал окликнуть ее, ему пришлось бы кричать — а это было бы и невежливо по отношению к девушке, и свидетельствовало бы о крайней его невоспитанности.

Как-то он увидел Марину на пляже. Это было вечером. Сын Вождя понемногу учился плавать, но

очень стеснялся и своего неумения, и своей нездоровой худобы; они с товарищем Гавриловым обычно ходили купаться рано утром или уже к вечеру, когда пляж пустел. Гаврилов сам учил его плавать и даже поддерживал его в воде. Именно в один из таких вечеров, барахтаясь в воде неподалеку от Гаврилова, Сын Вождя увидел, как по пляжу, помахивая на ходу полотенцем, неспешно идет Марина. У него захватило дух, и он чуть не нахлебался воды, увидев ее. Марина, конечно, была в купальнике, но для него она была как бы обнажена.

Марина шла, наклонив голову и не глядя по сторонам, но Сын Вождя

почему-то заволновался, застыдился и зашел в воду поглубже. Он даже присел в воде, ужасно стесняясь своего тощего бледного тела, но не отводил глаз от девушки, медленно и задумчиво идущей по самой кромке суши. А море плело и выкладывало ей под ноги длинное и тонкое кружево из песка и пены. Ее тело в голубом купальнике было все облито медно-красным светом заходящего солнца, и она показалась ему ожившей медной статуэткой: такая фигурка стояла у отца на письменном столе и держала абажур настольной лампы.

Ночью он почти не спал. Он без конца просматривал одну и ту же

сцену: Марина появляется в поле его зрения слева, медленно проходит направо, чуть привставая на носки при каждом шаге. Полотенце покачивается в ее руке, голова опущена, как будто она внимательно считает собственные шаги, а русая скобочка волос прикрывает верхнюю часть лица, оставляя на виду только кончик носа и немного тяжеловатый круглый подбородок. Потом видение уходит вправо и исчезает. Но он переводит закрытые глаза налево, и Марина снова появляется и снова плавно, чуть приподнимаясь при каждом шаге, движется вправо, чтобы затем исчезнуть, и снова... Он заснул только под утро, чтобы и во

сне увидеть то же самое — Марину, задумчиво идущую вдоль кромки набегающих маленьких волн.

На другой день в столовой он боялся поднять на нее глаза, боялся даже поглядеть искоса ей в спину, когда она отходила от их столика. Он и есть почти не мог, только пил без конца минеральную воду.

Днем он ходил на пляж с Гавриловым, но не купался, только загорал.

— Как вы себя чувствуете? — встревожился за ужином товарищ Гаврилов. — Вы почти ничего не едите. Не заболели?

— Нет, я не заболел.

— Купаться пойдете?

— Попозже, когда стемнеет. Можно?

— Хорошо, приходите попозже, а я пока отправлюсь один. Я буду на нашем обычном месте.

Товарищ Гаврилов ушел на пляж, а Сын Вождя один отправился в парк. Он нашел в цветнике укромную скамейку среди каких-то огромных кустов спряно пахнущими розовыми цветами, сел на нее и впервые за этот день попытался собрать свои мысли и привести их в порядок.

Из дальнего угла парка, где были летняя эстрада и танцевальная площадка, доносилась музыка. В детстве его, конечно, обучали игре

на фортепьяно и водили на музыкальные концерты, а мама сама прекрасно играла на фортепьяно и пела, но то была совсем другая музыка. Даже приглушенные расстоянием и смягченные шелестящим в листве ветерком звуки, доносившиеся с танцевальной площадки, казались ему грубо-страстными, нагловатыми. С другой стороны цветника слышались бодрые молодые голоса и звонкие удары ладоней по мячу — там играли в волейбол.

Он ни о чем не думал, а только повторял про себя: «Марина... Марина... Марина...»

Ему очень хотелось произнести

это имя вслух, попробовать его на вкус, и он негромко, по слогам, произнес:

— Ма-ри-на...

И в ту же самую секунду, как только он произнес ее имя, из-за поворота садовой дорожки вышла Марина. Она шла, не видя его, задумавшись о чем-то, а под мышкой у нее был волейбольный мяч — было похоже, что она шла к волейбольной площадке. На ней были короткие шаровары и белая с синим футболка с черным шнурком у ворота, а на ногах — белые носки и резиновые спортивные тапочки. Ему вдруг показалось, что он слишком громко произнес ее имя и она вышла на его

зов из таинственной своей жизни. И вот она идет к нему, а он абсолютно не знает, что ему делать и о чем говорить с нею... Он надеялся, что Марина его не заметит, и только боялся, чтобы она не услышала, как громко стучит его сердце. И она, словно и вправду что-то услышав, вдруг остановилась и тревожно, как ему показалось, огляделась. Но, заметив его, улыбнулась и... подошла к нему.

— Товарищ, можно мне присесть с вами рядом? — спросила она.

Он кивнул — он еще не мог говорить.

— Я вас никогда не вижу на

волейбольной площадке. Вы что, в волейбол совсем не играете?

— Да... То есть нет, не играю...

Марина помолчала, подкидывая свой мяч, а потом вдруг спросила:

— Скажите, а чего это вы всегда один или с этим страшным человеком?

— Страхным?.. — растерянно переспросил Сын Вождя.

— Ну, вообще-то он не страшный, но у нас его все почему-то боятся.

— Нет, он совсем не страшный, — проговорил, чуть запинаясь, Сын Вождя. — Это у негс работа такая.

— А как вас зовут, товарищ? —

спросила Марина, и опять Сын Вождя растерялся.

— Вы забыли, как вас зовут, бедный? — насмешливо и ласково пропела она.

— Нет, я не забыл. Меня зовут Георгий.

— Очень красивое имя, — одобрила она. — А я Марина.

— Я знаю, — ответил Сын Вождя и смутился.

Ну, вот мы и познакомились, — весело сказала Марина. — А теперь пойдете играть в волейбол! Я вас научу — это же совсем просто!

— Нет, я не могу... — испугался Сын Вождя.

— Стесняетесь пойти с

девушкой из столовой? А там много наших гостей играет, это не запрещено санаторными правилами.

— Почему я должен стесняться? Я бы почел за честь...

— Ну, не знаю... Здесь, в санатории, только важные люди отдыхают. Но многие из них с нашими девушками из obsługi танцуют и в волейбол играют, хоть мы и не гости, а только работаем здесь. А я так даже не местная, я из Крыма, а сюда меня направили по комсомольской путевке, на один сезон. Но если повезет, меня возьмут на постоянную работу, и тогда мне не надо будет домой возвращаться.

— А вы хотели бы остаться

здесь?

— Конечно.

— А разве в Крыму плохо?

— Почему? Совсем не плохо. Но

здесь хорошо платят, а у нас семья большая. Нас у мамы пятеро, и я старшая, а отца нет — в гражданскую погиб. Он был красный командир! — с гордостью сказала Марина.

Он не знал, что на это ответить.

Оба помолчали немного, а потом Марина предложила:

— Пойдемте погуляем!

— Как это — погуляем?

— Да очень просто: пройдемся

по парку и вернемся сюда.

— Вот так, вдвоем — вы и я?

— Ну да. Ага, вы все-таки стесняетесь пройтись с девушкой из столовой!

— Нет-нет, что вы! Я просто никогда не гулял с девушками, а если быть совсем откровенным...

— ...то у вас и не было знакомых девушек! Я угадала?

— Угадали.

— Если не хотите гулять по парку, можно пойти на танцплощадку. Вы умеете танцевать?

— Не умею.

— Интересный вы человек. Ну а плавать-то вы умеете?

— Я учусь плавать.

— Тогда пойдете на пляж.

Сын Вождя представил себе, как

они с Мариной спускаются по тропинке на берег моря, а там — товарищ Гаврилов! Это показалось ему настолько нелепым, что он испуганно замотал головой.

— Нет-нет, что вы!

— Да почему же? — удивилась

Марина.

— Сейчас уже поздно, и я должен идти. Простите меня.

Он вскочил на ноги, поклонился Марине и ужасно покраснел.

Марина сначала поглядела на него удивленно, а потом тоже смутилась и вдруг спросила:

— Я вас чем-то обидела?

— Нет, вы не обидели меня. Вы меня ничуть не обидели, Марина!

Просто я человек со странностями. Вы уж не удивляйтесь, пожалуйста, моему нелепому поведению: я ведь предупредил, что не умею разговаривать с девушками.

— Какой же вы все-таки чудной... Ну, в таком случае до послезавтра!

— Почему до послезавтра?

— А потому, странный человек, что завтра у меня выходной, и уж где-где, а в столовой меня никто не увидит!

Она протянула ему руку, и он схватил ее, будто желая удержать Марину. И опять растерялся. Он не знал, что делать и просто стоял и держал Марину за руку.

— Ну, что же вы? Отпустите теперь мою руку и скажите: «Спокойной ночи, Марина».

— Спокойной ночи, Марина. Очень рад был с вами познакомиться.

— Вот это уже лучше! Взаимно! — засмеялась она.

Сын Вождя набрал побольше воздуха и выпалил:

— Марина! Давайте пойдем завтра к морю, но только рано-рано утром, когда все в санатории еще спят.

— Чудненько! Я тоже люблю купаться по утрам, когда вода еще прохладная, а не барахтаться днем в теплом молоке. Давайте встретимся прямо на пляже, напротив санатория. Вы умеете рано вставать?

— Конечно. Я буду во столько,

во сколько вы прикажете.

— Да зачем же я стану вам приказывать? Вы просто приходите часов в шесть утра. Договорились?

— Договорились.

— Пока! — сказала Марина, снова тихонько засмеялась и пошла от него по аллее. Он стоял и смотрел ей вслед. Потом тихо прошептал: «Марина...» Она, будто услышав, обернулась и помахала ему рукой, прежде чем скрыться за поворотом дорожки.

Он сел на скамью и обхватил голову руками. Что же это такое с ним случилось? Что это за новая жизнь начинается у него — уже началась? Ему было радостно,

тревожно и почему-то тоскливо одновременно.

На пляж Сын Вождя заявился в половине пятого. Больше он уже не мог лежать в постели без сна и нетерпеливо ждать рассвета.

— Купаться? — равнодушно спросил его охранник у ворот. Он кивнул, боясь, как бы тот его не задержал, ведь он впервые шел на пляж один, без Гаврилова. Но охранник просто отворил, а потом захлопнул за ним дверь в железных воротах.

Он спустился по тропинке на серый еще песок, высмотрел большой камень, уселся на него и стал смотреть, как восходит солнце.

Он услышал, как где-то вдалеке забубнил неразборчиво радиорепродуктор, и понял, что уже шесть. Тогда он повернулся лицом к воротам санатория и стал ждать.

Между ним и воротами лежала полоса пляжа, потом шла невысокая насыпь железной дороги, дальше темнела влажная с ночи лента приморского шоссе, и уже дальше, почти скрытая кустами и деревьями, шла стена санатория с зелеными железными воротами в ней. Перед выходом из санатория, откуда должна была появиться Марина, проходили пригородные поезда, по шоссе пробегали машины, но он не пропустил ее появления.

Вот распахнулась внутрь зеленая дверь, и он увидел сначала темную таинственную глубину парка за нею, и внезапно на этом фоне показалась стройная фигурка Марины в чем-то голубом. Голова ее с гладко причесанными волосами была повернута влево — она, видимо, что-то говорила охраннику. Потом Марина повернулась лицом к морю — и к нему — и быстро-быстро перебежала через дорогу. Теперь она спускалась по тропинке к берегу и шла медленно, чуть-чуть покачивая белым полотенцем в опущенной руке. Время, пока она шла к нему растянулось: он успел всю ее охватить взглядом и сердцем, да так,

что потом уже никогда не забывал ни единого движения ее тела, ни одной черты ее лица. Он чувствовал, что почему-то имеет право так на нее смотреть, что она разрешает ему этот восхищенный запоминающий взгляд, и нет в этом взгляде ровно ничего предосудительного.

— Доброе утречко. Давно меня ждете?

— Доброе утро. Нет, я не очень давно пришел.

— Уже купались?

— Нет. Я вас ждал.

— Вот и хорошо. Теперь поплывем вместе в самую дальнюю синюю даль, где плавают дельфины!

Она взялась за края сарафана, он

понял и отвернулся. Краем глаза он увидел, что рядом с ним на песок упал голубой сарафан, а когда поднял голову, увидел Марину уже в купальнике. Она была еще прекрасней, чем вчера, потому что стояла совсем близко, так близко, что, казалось ему, он чувствовал тепло, исходящее от ее смуглого тела. Он смотрел на нее с хорошо знакомым чувством, но не понимал, что это за чувство, а потом вдруг вспомнил — березки на Соловках!

Вот так же он смотрел на первые зеленые деревья после многомесячного пребывания в петроградской тюрьме и долгого, изнурительного этапа в пароходном

трюме. Его доставили в Соловецкий лагерь, и там он увидел первые после тюрьмы деревья. Это были березы. Тогда ему хотелось погладить каждое дерево по гладкой шелковой коже, каждой березке сказать что-нибудь доброе...

Он потряс головой, чтобы отогнать некстати всплывшее воспоминание, и тоже начал раздеваться.

Они плавали в еще холодной утренней воде. Марина обгоняла его, уплывала далеко вперед, потом возвращалась к нему. Он первым повернул к берегу, потому что устал и задохнулся. Марина, сделав в море большой круг, вышла на другом

конце пляжа, а потом долго шла к нему по плотному мокрому песку, и он видел, как легкие волны постепенно смывают за ней двойную строчку маленьких глубоких следов.

— Как вы хорошо плаваете, — тихо сказал Сын Вождя. — Я вам завидую.

— Не надо завидовать, — улыбнулась Марина. — Я ведь росла у моря.

Марина лежала чуть впереди него и пересыпала в руках песок, выбирая из него разноцветные камешки, а он глядел, как высыхают на ее гладкой спине последние капли воды.

— А нырять с открытыми

глазами вы умеете? — вдруг спросила она.

— С открытыми глазами? А разве это можно в соленой воде?

— Можно. Только не очень долго, а то глаза заболят и покраснеют. Хотите, научу вас играть в «белый камень»?

— Хочу. А что это за игра?

— Я в эту игру играю с детства. Сначала надо найти подходящий белый камень. Вот такой годится. — Она показала ему на ладони круглый белый гольш. — Теперь смотрите!

Она вскочила на ноги, широко размахнулась, закинула камень в море и сразу же побежала в воду — туда, где с коротким всплеском

камень скрылся в воде. Она вбежала в море по пояс, нырнула, проплыла под водой небольшое расстояние и вынырнула, издали показав ему белый гольш в поднятой руке.

— Вот он! Видите? Идите сюда! Теперь я кину камень, а вы запоминайте, куда он упадет, и ныряйте за ним. Понятно?

— Да, понятно, — не очень уверенно сказал Сын Вождя, но послушно зашел в воду и встал неподалеку от Марины.

Она бросила камень, и тот плюхнулся в воду рядом с ним. Он нырнул и открыл глаза, и новый, незнакомый мир открылся ему.

Песок, на пляже исхоженный

ногами купальщиков, на дне лежал ровно и был испещрен как бы мелкими волнами. Кое-где на песке лежали большие валуны, заросшие темным мхом и целыми колониями черных мидий. Стайка мелких серебряных рыбок стрельнула мимо его глаз и скрылась за одним из самых больших камней. Туда же ушел боком маленький серый краб. Вода была зеленоватой и золотистой. Мелкие волны с поверхности воды бросали на дно скользящие тени. Очарованный этим зрелищем Сын Вождя забыл, что ему нужно искать белый камень, и просто смотрел и смотрел до тех пор, пока не кончился воздух в легких. Почувствовав ломоту

в груди, он вынырнул.

— Что, не нашли? — сочувственно спросила Марина, стоявшая поодаль по пояс в воде.

— Нет, не нашел, — ответил он, улыбаясь.

— Эх, вы!

Она нырнула в его сторону и почти тотчас выскочила из воды с белым камнем в руке.

Дразня его, она покрутила рукой с зажатым в ней камешком и пропела:

— Белый камень у меня, у меня! Говорите про меня, про меня!

Она снова бросила гольщ, и он плюхнулся в воду совсем неподалеку от Сына Вождя. Он нырнул и поплыл

под водой точно к тому месту, куда упал камень, и сразу же увидел его: белый кругляш резко отличался от других камней, темневших на рифленом песке. Он схватил его и выскочил на поверхность воды.

— Вот он! Я нашел его!

Он уже хотел бросить камень в сторону Марины, но она закричала:

— Нет! Неправильно! Вы сначала должны пропеть песенку.

Он откашлялся и пробормотал:

— Белый камень у меня, у меня... Как там дальше?

— Ну, смешной какой! Говорите про меня, про меня!

Он осмелел и, размахнувшись, кинул камень далеко в сторону от

Марины.

— Ах, вы так! — воскликнула она и, взвившись из воды на воздух, нырнула рыбкой и быстро поплыла под водой к камню. Через несколько секунд она вынырнула с белым гольшом в руке.

— Вот он, пожалуйста вам! — Белый камень у меня, у меня! Говорите про меня, про меня!

Теперь она уже не щадила его и забросила камень так далеко, как только смогла. Ему пришлось нырять за ним три раза, и все же он нашел его и так обрадовался, что завопил во весь голос:

— Белый камень у меня, у меня! Говорите про меня, про меня!

Теперь они играли с переменным успехом, хотя Сын Вождя проигрывал все-таки чаще. Наконец Марине удалось забросить белый камень так далеко, что Сын Вождя так и не смог его отыскать. И сама Марина его потом тоже долго не могла найти.

В конце концов она отыскала пропавший гольш и объявила о своей победе, и тогда они оба вышли на берег.

— Вы не обижайтесь, что я выиграла, — сказала она, вытираясь полотенцем, — ведь вы первый раз в жизни играли в «белый камень».

— Я не обижаюсь. Вы несомненно должны были выиграть,

Марина.

Ему ужасно нравилось произносить ее имя.

— Ладно. За то, что вы такой скромный, я вам этот камень дарю на память. Хотите?

Он тотчас протянул руку.

— Какой вы все-таки странный человек, — сказала Марина, подавая ему гольш. — Вы ни на кого не похожи, а мы тут, в санатории, видим много разных людей со всех концов страны. Иногда вы похожи на малого ребенка, а иногда — на очень старого человека, прожившего долгую и несчастливую жизнь... Это ничего, что я говорю так откровенно?

— Это хорошо, что вы так говорите. Со мной никто и никогда не говорит откровенно. Да и вообще со мной редко разговаривают.

— Вы очень, очень странный... — повторила Марина, пересыпая песок из ладони в ладонь и выбирая из него мелкие камешки и обломки раковин.

Она достала из кармашка сарафана простые маленькие часики.

— Уже половина восьмого. Вам пора идти на завтрак, а то Гаврилов станет вас разыскивать и, чего доброго, догадается в милицию позвонить: пропал человек из правительственного санатория!

Сын Вождя вздрогнул. За эти

полтора часа, проведенные на пляже с Мариной, он ни разу не вспомнил о существовании Гаврилова. Как бы он хотел, чтобы эта забывчивость была взаимной! Но на это надежды было мало. О чем будет его расспрашивать Гаврилов и что он станет ему отвечать — все это было как в тумане, и ему пока совсем не хотелось, чтобы этот туман рассеивался.

Вдруг он сказал:

— Марина, вчера вы говорили, что у вас сегодня выходной.

— Да, выходной.

— Давайте мы с вами вовсе не пойдем завтракать, а вместо этого отправимся куда-нибудь на прогулку.

Вы, наверное, хорошо знаете окрестности?

— Совсем не знаю, я ведь почти не выхожу с территории санатория. В городе пару раз была, да как-то со всей обслугой ездила на автобусе на озеро Рица, вот и все. Но я знаю, что, если идти по речке Келасури, которая впадает в море там, за пляжем, можно дойти до водопада. Наши девочки из столовой ходили и рассказывали, что там очень красиво. Хотите, пойдём туда?

— Очень хочу!

— Значит, решено! Вы будете заходить к себе, в свой домик?

— Зачем?

— Ну, мало ли... Гаврилова

предупредить, например.

— Обойдется, — решительно ответил Сын Вождя.

— Ишь вы как расхрабрились, — засмеялась Марина и стала одеваться. — А я вот забегу на минутку на кухню и возьму нам что-нибудь поесть на дорогу.

— Мне вас тут ждать?

— Да, ждите. Не скучайте!

Она помахала ему рукой и побежала к железной дороге, перешла ее, потом перебежала через шоссе к воротам, позвонила у железной двери и скрылась.

Вернулась она минут через пятнадцать,

Сын Вождя даже не успел

соскучиться. Она снова надела шаровары, спортивные тапки и знакомую ему бело-синюю футболку, а на ее русых волосах теперь была черная, расшитая шелком круглая шапочка — тубетейка. В руках она несла плетеную кошелку из кукурузной соломы.

— Вот наши припасы. Здесь у меня помидоры, огурцы, хлеб с салом, яблоки и молоко. — Из кошелки действительно выглядывали две бутылки с молоком. — Можно обойтись не только без завтрака, но и без обеда!

— Замечательно. Теперь давайте поскорей уйдем с пляжа. Я боюсь, что нас станут искать...

— Да что вы! Кому мы нужны во время завтрака? Неужели ваш Гаврилов станет беспокоиться о том, что вы один раз не позавтракали? Вы же не ребенок...

— И все-таки, я полагаю, нам лучше отсюда уйти.

— Ну, идемте. Поедем на автобусе? До той дороги, которая ведет в горы, надо проехать две остановки.

Сын Вождя растерялся: он еще никогда не ездил на автобусах. Он догадывался, что за поездку в автобусе надо платить какие-то деньги, но у него денег не было, и он даже не представлял, как выглядят современные деньги.

— А мы не можем пойти туда пешком? — спросил он, волнуясь.

— Отчего же нет? Конечно, можем! Сейчас еще не жарко идти, — сразу согласилась Марина, и он облегченно вздохнул.

Они пошли по пешеходной дорожке, идущей между стеной санатория и приморским шоссе. Мимо них в обе стороны мчались машины, прошел пригородный поезд, а за ним длинный товарный; в море белел парус рыбацкой лодки, а на самом горизонте дымил большой пароход. Сын Вождя упивался тем, что вокруг него идет настоящая жизнь и он тоже идет по узкой асфальтовой тропе рядом с этой

радостно-деловитой жизнью, идет себе куда-то на прогулку со знакомой девушкой и несет эту смешную кошелку с едой и молоком. Шагается ему легко, дышится свободно, и ничего-то он сейчас не боится — ведь рядом с ним идет Марина.

Дорожка была со стороны шоссе обсажена редкими большими кустами с пыльноватыми и жесткими на вид длинными сизыми листьями и розовыми цветами, очень сильно пахнущими. Таких кустов было много и в санаторном парке.

— Что это за растения? — спросил Сын Вождя.

— Это? А, это олеандры. Они

здесь повсюду растут. Говорят, ядовитые.

— Не верится. У них такой чудесный запах...

Марина на ходу сорвала цветок с двумя мелкими листочками и засунула его в кармашек футболки.

...А с другой стороны дорожки, по которой они шли, все тянулась и тянулась кирпичная стена санатория с колючей проволокой поверху. Она была почти незаметна, эта колючая проволока, потому что перед стеной, загораживая ее, росли раскидистые кусты и деревья. Некоторые деревья он уже знал — кипарисы, например, а другие были ему незнакомы, и Марина, знавшая все на свете, их ему

называла:

— Пробковый дуб. Взгляните, какая у него кора: из нее делают модные босоножки на пробковой подошве. А вот это платан, а это — тутовое дерево, или шелковица. Ее листьями кормят гусениц шелкопряда. Вот эта красавица с большими белыми цветами — магнолия.

— Откуда вы так много знаете, Марина? — спросил он.

— Мама у меня учительница биологии. Что знаю — все от нее.

Ему хотелось подробно расспросить Марину о ее семье, но он решил отложить это на потом.

Стена санатория свернула влево

и пошла по обрыву над речкой, а впереди был мост, перекинутый через ее широкое каменистое русло. За рекой толпились холмы, тесно застроенные белыми каменными домиками, из-за них выглядывали холмы повыше — темно-зеленые, поросшие лесом, а за самыми дальними холмами, там, откуда бежала река, Сын Вождя увидел цепь синеватых гор с облаками на склонах и с белыми, сверкающими на солнце зубчатыми вершинами.

— Это что, снег там, на горах?

— Да, это ледники. Вечные снега.

Они дошли до моста.

— Нам через мост, — сказала

Марина. — А там мы спустимся к реке и пойдем вдоль берега прямо в горы.

— К вечным снегам?

— Ну, туда нам не дойти за неделю! Это только кажется, что они близко. Мы с вами идем к водопаду, а до него километров пять, не больше.

Река была не широкая, но очень бурная, вода так и кипела между камней. Сын Вождя смотрел на бешеную воду, пока они шли по мосту, и у него слегка закружилась голова.

Перейдя мост, они свернули с шоссе и пошли вдоль реки по пыльной грунтовой дороге. Русло

реки было во много раз шире бегущего посередине потока и все покрыто валунами и галькой. Кое-где между камней торчали высохшие и выбеленные солнцем кости деревьев.

— Почему это у небольшой речки такое широкое русло? — спросил Сын Вождя.

— Река разливается весной и осенью, — ответила Марина. — Сейчас лето, сушь. А вода в реке холодная-прехолодная, это ледниковая вода с гор. Наши девочки из столовой ходят сюда мыть голову: говорят, что от этой воды волосы лучше растут. Глупость, правда? Кому это нужно, чтобы волосы быстро росли? Я и так свои стричь

не успеваю. А вам нравятся длинные или короткие волосы у девушек?

— Мне нравится как у вас.

— Фу, какие глупости! Хотите пить? Вода, должно быть, вкусная.

Они спустились по камням к воде и напились прямо из ладоней. Вода была такая холодная, что заныли зубы, но и вправду вкусная. Он заодно освежил шею, руки и лицо.

Вдруг Марина воскликнула, хватая его за руку:

— Смотрите, смотрите, это форель! Да вон там, вы совсем не туда смотрите!

Сын Вождя посмотрел, куда она показывала, и увидел длинные

темные тени, скользящие в глубине между камней. Он сощурился, приглядываясь: это и вправду были рыбы — снизу серебристые, сверху темные, с круглыми пятнами вдоль хребта.

— Жаль, что я не догадалась попросить у наших ребят удочку: мы могли бы поймать пару форелек и зажарить на костре. Я умею жарить рыбу в глине.

— А я не умею ни рыбу ловить, ни костер разводить. Я с самого детства и не видел вблизи ни одного костра. Только издали — вечером, из окна вагона, когда мы ехали сюда из Москвы.

И опять Марина удивленно

подняла на него глаза, но ничего не сказала.

Они долго шли по жаре над рекой, а белая пыль на дороге становилась все глубже и глубже; его сандалеты и ее тапочки уже стали белыми.

— Давайте разуемся и положим нашу обувь в сумку, а сами пойдем босиком, — предложила Марина.

— А это не опасно — идти босиком?

— Скорпионы по такой жаре не гуляют — их солнечный удар хватит. Ну, разве что змея на дорогу погреться выползет, так ведь мы же ее увидим... Вы змей не боитесь?

— Не знаю — я их никогда не

видел.

— Змей никогда не видели? А в зоопарке?

— Вы правы, как всегда, Марина: я, конечно, видел змей в зоопарке, а в цирке видел удава, когда был мальчиком. Просто я не сразу вспомнил.

— Удавы здесь тоже водятся, только мелкие — желтопузики. Но бабушка говорит, что это просто большие безногие ящерицы. А еще дальше в горах знаете, какая змея живет?

Сын Вождя видел, что Марине доставляют огромное удовольствие разговоры о живой природе, поэтому он сразу же спросил:

— Какая?

— Змея Эскулапа!

— Это та, которая обвивает чашу — символ медицины?

— Да, та самая.

— И что же из себя представляет этот символ медицины?

— Ну, это просто небольшой удавчик, не больше двух метров.

— В самом деле, совсем небольшой... Надеюсь, он водится достаточно далеко отсюда. Скажите, Марина, вы ведь живете в Крыму, а так хорошо знаете здешнюю природу. Это тоже от вашей мамы?

— Нет, это из книг. Когда я собиралась сюда ехать, я заранее

прочла все, что смогла найти в библиотеке, о фауне и флоре Кавказа. Я ведь не знала, что мне почти не придется покидать санаторий...

Они шли по дороге босиком, и Сын Вождя нес в кошелке свои сандалеты и Маринины тапочки: ему нравилось, что он несет их обувь и что тапочки Марины лежат поверх его сандалет, и он время от времени на них поглядывал. А идти босиком по глубокой горячей пыли было приятно и не страшно.

Они обогнули вместе с рекой и дорогой скалистый выступ на правом берегу, и перед ними открылась зеленая долина с небольшим

селением. Дома в нем были сложены из дикого серого камня, но все двухэтажные и с деревянными галерейками, впрочем, на вид они были неказистыми и небогатыми, совсем не такими, как большинство домов на берегу моря. По улице, в которую теперь превратилась дорога, бегали ребятишки, все как один кудрявые и черноглазые, загорелые до черноты.

— Это грузинские дети? — спросил Сын Вождя.

— Что вы! Это абхазское селение. Если они с вами заговорят по-русски, не вздумайте назвать их грузинами — обидятся.

— Вот как... — сказал Сын

Вождя, опять ничего не поняв.

— Мы в Абхазии!

— Я не знал...

— Послушайте, а вы хоть знаете, как называется город, возле которого находится наш санаторий? — лукаво спросила Марина.

— Нет, не знаю, — ответил Сын Вождя. — Мне не сказали.

— Вы что, смеетесь надо мной? — спросила Марина почти обиженно. — Я же пошутила! Конечно, вы знаете, что наш город называется Сухуми!

Чтобы не спорить, Сын Вождя просто промолчал. Несколько минут и она ни о чем не говорила, слегка нахмурившись и глядя на пыльную

дорогу под ногами. Потом вдруг остановилась и спросила:

— Вы... Вы из-за границы приехали, да?

— Нет.

— Но не с Луны же вы свалились?

— Что-то вроде этого. Я сейчас как будто впервые иду по Земле. Но вы, пожалуйста, ни о чем меня не спрашивайте, Марина. Так можно? Просто идти и ни о чем не спрашивать друг друга — можно?

— Господи! Да что же вы так волнуетесь-то? Ну ладно, ладно, я не буду больше вас ни о чем спрашивать. Смотрите, алыча у дороги! Вы любите алычу? Ой! —

Она зажала себе рот обеими ладонями.

— Да что вы, Марина! Я совсем не эти вопросы имел в виду. Алыча, вы говорите? Это такие сливы, да? Нам давали их на десерт.

— Какой вы старомодный! Никто теперь уже не говорит «десерт».

— А как теперь говорят?

— Говорят «третье»: «Сегодня на третье компот из алычи».

— Понятно.

— Ну так давайте нарвем алычи на десерт.

— Хорошо, давайте рвать алычу на третье. А это дерево, оно что, ничье?

— Конечно! Оно же растет при дороге. Его и посадили для путников, таких, как мы с вами.

— Как это прекрасно и мудро.

Они поднялись по некрутому склону и стали собирать алычу с невысокого кряжистого деревца, усыпанного янтарно-желтыми мелкими плодами.

— Будьте осторожны, у алычи большие и острые колючки! — предупредила Марина.

На ветвях действительно были острые шипы, но плодов было так много, что не требовалось лезть вглубь кроны, и они почти не поцарапались. Они набрали столько алычи, что насыпали кошелку с

верхом, вынув из нее свою обувь. Сыну Вождя, с тех пор как он вырос, не приходилось есть плоды, сорванные своими руками прямо с дерева, и поэтому маленькие кисловатые и душистые сливы казались ему необыкновенно вкусными. Они шли по дороге, ели алычу и бросали косточки в пыль.

— Птицы и лесные мыши подберут, — успокоила его Марина, когда он усомнился, хорошо ли это, что они мусорят прямо на дороге.

Солнце уже палило вовсю, когда они услышали, что шум реки стал громче.

— Мы подходим к водопаду! — торжественно объявила Марина.

За поворотом дороги Сына Вождя поджидало ошеломляющее зрелище. Здесь в реку с лесистой горы стекал поток, через который был переброшен легкий деревянный мостик. А выше, метров за сто до моста, этот поток падал с горы широкой и прозрачной стеной.

— Какая красота! — восхищенно произнес Сын Вождя, глядя с мостика на водопад, на свежую, сбрызнутую водой зелень папоротников в расщелинах скалы, с которой низвергался поток, на маленькую яркую радугу над ним.

Они сошли с мостика и пошли по берегу потока, скользя босыми ногами на мокрых холодных камнях.

Вблизи водопада водяная пыль стояла в воздухе, и было приятно дышать ее прохладой после жаркой дороги наверху.

— Наши девочки говорили мне, что за водопадом есть проход: можно туда пойти и оттуда смотреть сквозь воду. Идем?

— Конечно!

— Поставьте сумку в кусты, подальше от воды, и идите за мной.

Они подошли к самому водопаду, и тут Марина крикнула ему сквозь шум воды:

— Давайте руку, а то вы оступитесь, и придется мне вас из воды вылавливать. А то еще и в море унесет... Давайте же руку, давайте!

Сын Вождя протянул ей руку и послушно пошел за ней. От подножия водопада во все стороны летели брызги, и когда они приблизились к нему, оба уже были мокрыми с головы до ног. Марина первая нырнула прямо в фонтан брызг и потянула за собой Сына Вождя в гулкую темноту.

Они оказались в неглубокой пещерке, отгороженной от мира стеной падающей воды. Сквозь воду проходил свет, и даже можно было различить, где находятся темные зеленые берега, а где — синее небо и круг солнца. Они стояли рядом в этом прохладном узком пространстве, все еще держась за

руки, почти касаясь друг друга. И тут совершенно неожиданно для себя — честное слово, он вовсе не собирался этого делать! — он вдруг наклонился к Марине и легко коснулся губами ее мокрой, прохладной щеки. Марина вздрогнула, потянула его за руку и решительно вывела из пещерки на свет. Оказавшись снаружи, она тотчас отпустила его руку, побежала к мостику, взошла на него и стала смотреть на водопад.

Он взял в кустах их нелепую кошелку с едой, теперь уже ненужной, подобрал свою и Маринину обувь и поднялся на дорогу. У моста он подождал Марину. На сердце у него было

темно и пусто. Она подошла, протянула руку и сказала:

— Дайте мои тапки и сами обуйтесь. Смотрите, дальше дорога каменистая — можно ноги поранить.

Он встрепенулся. Так они идут дальше, они не возвращаются? Он повернулся к Марине и вопросительно посмотрел ей в глаза. Марина чуть смутилась от его прямого взгляда, но, глянув на него исподлобья, сказала решительно:

— Да не волнуйтесь вы так. Я понимаю, что на вас нельзя обижаться, ведь вы не держите на уме никаких гадостей. Просто вы очень непростой человек. Вы всегда так ведете себя с девушками?

— Марина, я вам правду сказал: вы — первая девушка, с которой я вот так... Ну, гуляю, разговариваю...

— Правда?

— Совершеннейшая правда.

Марина задумалась.

— Наверно, у вас ужасно ответственная работа.

Он ничего не ответил — все еще робел. Они еще шли по дороге над рекой, а потом свернули на другую дорогу, поуже, и она скоро привела их в ореховую рощу. Может быть, в детстве он и видел, как растут ореховые деревья, даже наверняка видел, когда бывал с матерью за границей, но он их не запомнил. И вот теперь он любовался стройными

гигантами с гладкой светло-серой корой и лапчатыми листьями. Этими же листьями, только высохшими и жесткими, была усеяна земля под деревьями.

Марина вывела его на поляну, где ореховые деревья стояли реже и росла трава. Марина показала ему на земле черный круг с горкой пепла посередине.

— А здесь кто-то костер разводил. Хорошо, что я догадалась захватить спички — сейчас у нас тоже будет огонь.

Она принялась выкладывать провизию на траву и на дне кошелки отыскала коробок спичек.

— Теперь давайте собирать

хворост для костра.

Сын Вождя побрел за хворостом по светлой ореховой роще, внимательно глядя себе под ноги. Ему попало несколько сухих веточек, и он отнес их на поляну, к будущему костру. Увидев его добычу, Марина звонко рассмеялась:

— Это все, что вы нашли? Негусто!

Возле черного кострища лежала собранная Мариной большая охапка хвороста. Она уже успела положить в основание будущего костра горку сухих ореховых листьев, над ними поставила шалашиком тонкие хворостинки, а сверху — сухие ветки потолще. Она зажгла спичку,

осторожно внесла ее внутрь хворостяного шалашика и подожгла сухие коричневые листья. Появилось пламя.

Сын Вождя зачарованно наблюдал за действиями Марины. Костерок занялся большим веселым огнем и с таким жаром, что Сын Вождя даже отодвинулся. Но несколько искорок успело долететь до его головы, и волосы на ней затрещали. Он испуганно захлопал себя ладонями по голове.

— Чего вы так испугались? — насмешливо спросила Марина. — Не бойтесь, не загоритесь.

Он смущенно улыбнулся в ответ и вновь отправился собирать

хворост.

На этот раз он сумел отыскать в старой ореховой листве довольно толстую и длинную сухую ветку, и ему даже пришлось разломать ее на несколько частей, чтобы унести. Добавив к ней несколько хворостин помельче, он уже собирался возвращаться к костру, как вдруг что-то остановило его взгляд, как будто какой-то тихий призыв. Он поглядел в ту сторону, откуда этот призыв исходил, и увидел, что под небольшим дубом на темно-зеленом моховом коврике стоит — гриб! Завороженный, он подошел ближе и встал перед ним на колени. Да, это, несомненно, был настоящий гриб:

округлая шляпка, похожая на половинку каштана, сидела чуть набочок на толстенькой, расширяющейся книзу беловато-желтой ножке. «Белый гриб» — вспомнилось ему из детства. Он радостно и громко засмеялся.

— Чему вы там радуетесь? — спросила Марина, услышав его смех.

— Я нашел белый гриб!

— Да не может быть! — чуточку насмешливо пропела Марина. — Не вздумайте его срывать — грибы надо срезать ножом. Я иду к вам на помощь.

Марина подошла к нему, все еще стоящему на коленях перед грибом.

— И в самом деле белый. Да

какой красавец, такой крепкий на вид! Если он не червивый, то у нас на обед будет грибной шашлык.

Она присела и аккуратно подрезала ножку гриба над самой моховой подстилкой.

— Да-а, не повезло вам! — протянула она, рассматривая срезанный гриб.

— Он червивый? — тревожно спросил Сын Вождя.

— Хуже. Это не белый гриб, а сатанинский. Смотрите!

Она повернула гриб шляпкой вниз, и он увидел, что с изнанки шляпка буро-красного цвета, будто пропитанная кровью. Марина переломила шляпку надвое, и она

тотчас начала синеть на изломе.

— Ядовитый гриб? — упавшим голосом спросил Сын Вождя.

— Может, и не ядовитый, но такой горький, что в рот не возьмешь. Ничего, не огорчайтесь. Сейчас еще рано для белых грибов, а то бы мы их поискали под дубами. Берите хворост и идемте обедать, уже все готово!

Марина расстелила на земле прихваченную из дома салфетку и на ней разложила помидоры, огурцы, соль в маленькой баночке с крышкой, ломтики сала на бумажке и толстые ломти хлеба, а посередине поставила обе бутылки с молоком. Она научила его нанизывать на

прутики хлеб и поджаривать его на огне. Они поели, попили молока, а потом просто сидели у костра.

Сын Вождя не мог глаз отвести от огня. Он помнил огонь в камине на даче, в «Кукушкином доме» на Карельском перешейке, а еще в открытой печке в их петербургской квартире, когда старый матрос, топивший у них печи, ненадолго оставлял дверцу открытой и позволял мальчику поглядеть на догорающие угли. Но костер в лесу, с его пряным от ореховых листьев дымом, был необычайно хорош и таинствен!

Марина тоже молчала, обняв колени, положив на них голову и глядя в огонь. Что-то было особенное

В ЭТИХ МИНУТАХ, НАРУШАЕМЫХ ТОЛЬКО потрескиванием костра, что-то вечное и, казалось ему, связывающее их — его и Марину. И тогда он понял, что, если он сейчас не расскажет Марине всю правду о себе, эта возможность будет упущена и, может быть, упущена навсегда.

Он с усилием отвел глаза от огня, поглядел прямо в лицо девушки и тихо проговорил:

— Марина! Я хочу вам рассказать о себе всю правду. Можете вы меня выслушать? И вы поймете, почему я кажусь вам странным.

— Говорите, — сказала она, продолжая смотреть на огонь.

— Только очень прошу вас: пока я буду рассказывать, не смотрите на меня, а то мне будет трудно говорить.

— Хорошо, я не буду смотреть.

И он стал рассказывать, сначала запинаясь, часто взглядывая на нее и стараясь по ее неподвижному лицу угадать, какое впечатление производит на нее его рассказ. Потом он увлекся, осмелел, и тогда его речь полилась плавно и свободно. Он никогда еще не говорил так много о себе другому человеку, и сам удивлялся тому, что рассказ получается связным и обстоятельным. Он только не стал рассказывать Марине о недавней

встрече с Новым Вождем, а просто сказал, что теперь судьба его, возможно, изменится к лучшему.

— Теперь, Марина, когда вы все узнали обо мне, вы понимаете, что вам лучше вернуться в санаторий одной и никому не говорить о том, что вы провели этот день со мной. Я помню дорогу назад: я вернусь один и скажу, что пошел прогуляться и заблудился. Может быть, все еще обойдется. Но что бы ни было впереди, я никогда не пожалею об этом дне, ведь это был самый счастливый, самый свободный день в моей жизни.

Он замолчал и опустил голову. Молчала и она. Некоторое время

спустя он осмелел и, подняв голову, поглядел на костер. А костра уже не было, только серый пепел слегка дымил, да дрожал над ним разогретый воздух. Он посмотрел на Марину: она сидела все в той же позе, охватив колени и опустив на них голову.

— Что же вы молчите, Марина? — тихо окликнул он ее.

Она подняла голову. Ее веки покраснели и припухли, а все лицо было залито слезами.

— Вы плачете... обо мне?

Марина несколько раз подряд быстро кивнула головой и проговорила чуть осипшим голосом:

— Как... как же это может быть,

чтобы в наше время, в нашей замечательной стране человека наказывали только за то, что он чей-то сын? Это... это несправедливо! Это все какая-то страшная ошибка! — И она заплакала навзрыд, как ребенок, уже не скрываясь.

Сын Вождя не знал, что ему делать, как ее утешить...

— А и не надо ее утешать, это святые слезы. Мир вам, детушки!

Оба вздрогнули и оглянулись на голос. Перед ними, опираясь на длинный посох, стоял древний старик с белой бородой ниже пояса, одетый во что-то серое и долгополое. Он был перепоясан широким кожаным поясом, похожим на

солдатский, с пояса свешивалась петля длинных черных бус. На голове старика была черная круглая шапочка, из-под которой падали на плечи седые спутанные космы, за спиной на широких лямках висел холщовый мешок.

«Пастух? Или колдун какой-то?» — подумал Сын Вождя.

— И не пастух, и уж, конечно, никакой не колдун, — снова ответил на его мысли старик, — а недостойный слуга Господа Бога убогий старец Нектарий.

— Откуда вы, дедушка? — спросила Марина.

— А вон оттуда, с тех гор, деточка. — Старик кивнул в сторону

белых вершин.

— Садитесь к костру, дедушка, — пригласила Марина и вскочила на ноги. — У нас есть еще хлеб и молоко. Хотите молочка?

— Молока я не пью, доченька, а вот от хлебушка не откажусь. Только тут есть его я не стану, с собой возьму. Я ведь не один живу, а с братьями. Будет нам на разговенье Петровского поста по кусочку мягкого хлебца.

Старец взял протянутый Мариной ломоть хлеба, скинул свой мешок, достал из него чистую тряпицу и бережно завернул в нее хлеб.

— Вам, детушки, уходить

отсюда надо: за вами уже идут по следу дурные люди, и они совсем скоро будут здесь. Идемте со мной, я вам укажу другую, короткую дорогу назад, к городу. Только приберите тут все, следов за собой не оставляйте.

Почему-то Марина и Сын Вождя сразу же беспрекословно послушались отца Нектария и сложили в кошелку бутылки, салфетку и спички. Старец достал из своего мешка маленькую лопатку и, ловко ею орудуя, быстро закидал прогоревший костер землей. Поверх он набросал сухих ореховых листьев, и ни один лист не задымил и не вспыхнул.

— Ну вот, будто и порядок. Идите за мной, мои хорошие!

Старец повел их вглубь леса по какой-то ему одному видимой тропинке. Они прошли ореховую рощу насквозь, потом вошли в густой и перепутанный самшитовый лес, за ним вышли в темный пихтовник. Старец Нектарий шел легко, пристукивая посохом по сухой земле, но и молодые люди от него не отставали, хотя идти им, особенно Сыну Вождя, по лесу без дороги было трудновато. Несколько раз они поднимались в гору и снова спускались.

Наконец они вышли из леса на ровное голое место. Перед ними

лежало узкое и глубокое ущелье, а за ним начинались отроги скалистого хребта. Здесь уже было довольно высоко, из ущелья веяло холодом. Почти прямо перед ними поперек ущелья лежало крутое круглое облако.

— Вот мы почти и пришли к тому месту, откуда расходятся наши дороги, — сказал старец. — Сейчас мы по мостику перейдем ущелье, а там и простимся. Идите за мной, детушки, и ничего не бойтесь.

Он подошел к краю пропасти и трижды перекрестил лежавшее в ней облако. Потом он протянул им свой посох со словами:

— Ты, Георгий, возьми за

конец посоха, а ты, Марина, встань между нами и держись за середину. Так мы с вами и перейдем через пропасть по мостику.

— По какому мостику, дедушка? Что это вы такое говорите? — удивленно спросила Марина. — Не вижу я тут никакого мостика.

— А вот сейчас увидишь. Ступайте за мной!

Ведя их за собой, старец ступил в облако. Они вошли за ним в сырой холодный туман. Мостик тут и вправду был: они чувствовали под ногами его скользкие узкие дощечки и даже смутно видели веревочные ограждения с боков. Они перешли пропасть по шаткому мостику, ни

разу не поскользнувшись, и вышли из облака на другой стороне. Здесь старец остановился и сказал:

— Присядем, детушки. Надо мне сказать вам кое-что.

Он сел на круглый камень, лежавший с краю тропы, под скалой, а им указал на два камня поменьше, на которые они и сели — лицом к старцу и спиной к пропасти. И старец заговорил.

— У тебя, Марина, доченька моя многострадальная, отсюда лежит долгая-предолгая дорога. Тяжелая это будет дорога, многое придется тебе на ней пережить, но приведет она тебя к Богу. Тебе один мой завет на все твои пути — молись. Молитву

Пресвятой
«Архангельское
знаешь?

Богородице
обрадование»

— Какие такие молитвы, дедушка? Я комсомолка, я в Бога не верю и никаких таких ваших молитв не знаю и знать не хочу! Не обижайтесь...

— А и вправду, знать тебе их неоткуда. Матушка твоя тебя многому хорошему научила, любовью ко всему живому тебя наделила, по правде жить наставляла, стихи с тобой на память заучивала, а вот главному — молитве — не научила. Ну так запомни, детка, самые простые молитвы: «Господи, помилуй!» и «Пресвятая

Богородица, спаси и сохрани!»

— Не буду я молиться, что за глупости такие!

— Будешь, ох и еще как будешь-то! Придет время, ты вспомнишь мои молитовки, и они тебе помогут. Не забывай, ведь ты крещеная, детонька моя бедная!

— Нет! Я не бедная и не крещеная! У меня отец был красный комиссар...

— А была у тебя бабушка Матрена?

— Ну, была. Только она давно умерла.

— Вот она тебя и крестила тайно от отца-матери. Поэтому ты к Богу придешь и молиться начнешь —

всему свое время. А когда будет совсем плохо, можешь меня на помощь позвать. Кликни мысленно: «Отче Нектарий, помоги!» — я тебя услышу и помогу. — Он повернулся к Сыну Вождя. — А теперь слово для тебя, Георгий. Отец твой — грешник великий и нераскаянный. Он был избран сатаной в антихристы, но сил у него не хватило, страх ему мешал, и отступился от него сатана. Грешил твой отец страшно и умер страшной смертью. Перед концом отнят был от него великий божий дар слова, и не мог он уже ни писать, ни говорить, ни думать, а потому не мог уже и покаяться в грехах. Но чувствовал он все, и душа его томилась смертельно,

а избавления от муки не было. Так он и погиб, и душа его попала в ад, а земля не принимает его тела и не примет до тех пор, пока не отмолит его кто-нибудь из живых. Только вот молиться-то за него и некому. Глупые люди сами ему поклоняются, а ему это не надо, ох как не надо! Коли ты, Георгий, хочешь вымолить у Бога для твоего отца снисхождение, пойдем, сынок, со мной в наш тайный скит. Надену я на тебя ряску, и станешь ты отшельником Георгием, за отца своего искупителем и молитвенником. Будешь за его грехи у Бога просить прощения до конца своих дней. Жизнь тебе уготована долгая-

предолгая, может, и сумеешь ты вымолить отца, и тогда погребут его окаянные мощи в освященной земле и выйдет душе его послабление. Пойдешь со мной, Георгий?

— Как это — с вами? Монахом стать?

— Монахом.

— Но ведь я... я тоже в Бога не верю.

— А ты поверь, детонька, поверь. Не пойдешь со мной — будешь страдать долго и безвинно, и без всякой пользы для себя и для отца. Подумай. Я торопить тебя не стану.

Сын Вождя задумался. Нс мысли разбегались, голова была

тяжелой. Он покосился на Марину. Вот она сидит на камне, нахмутив узкие брови, вздернув крутой подбородок, — явно сердится на странного старика... Но, Боже мой, как же она прекрасна!

— Нет! — решительно сказал он старцу. — Я не пойду с вами, отец Нектарий. Мне говорили и обещали совсем другое.

— Да ведь обманут они тебя, детонька!

— А если не обманут? Мне обещали разыскать мою мать, обещали мне нормальную жизнь, хорошую и правильную. И ведь она уже началась! Меня привезли отдыхать на море, я познакомился с

Мариной. Я не хочу с ней расставаться! Я хочу жить как все!

— Не будет ничего этого, сынок, не будет. И матушка твоя, искупив свои грехи страданиями, давно упокоилась.

— Я не верю вам, я верю словам Нового Вождя! Он говорил со мной почти как отец...

— Не почти, а точно как твой отец, потому как и он того же духа.

— Но я хочу ему верить, так хочу! И потом, разве я не могу поступать так, как мне представляется правильным?

— Можешь, можешь, болезный ты мой. Воли твоей Господь от тебя не отнимает, и я не отниму.

— В таком случае пусть все идет как идет! — решительно сказал Сын Вождя.

— Что ж, воля твоя, будь по-твоему.

Старец умолк и стал молиться, снова перебирая свои четки, и Сыну Вождя показалось, что он едва не плачет. Потом отец Нектарий перекрестился, глубоко, со стоном вздохнул и сказал:

— Вставайте, детушки, пора вам в обратную дорогу. Отсюда пойдете вниз по краю ущелья. Дорога выведет вас к селению. Вы в нем не задерживайтесь, обойдите краем, а там окажетесь на берегу знакомой реки, только на другом, не на том, по

которому пришли сюда. Оттуда уже море будет видно между гор — вот на него и держите путь. В вашей санатории, Мариночка, в одном месте стена обвалилась, за банькой, над обрывом. Знаешь это место?

— Ну, знаю...

— Вот там вы и пройдете, через пролом в стене. Рабочих возле стены не будет, никто вас не заметит. Может, на этот раз все и обойдется... Запомнила, умница?

— Запомнила.

— Вот и хорошо. А теперь подошло время прощаться.

Старец вдруг упал на колени и ткнулся головой в землю.

— Дедушка, что с вами? —

испуганно воскликнула Марина. —
Вам плохо?

— Это я, детушки, поклонился
вашим безвинным страданиям.
Теперь идите и не оглядывайтесь.
Господь с вами, бедные вы мои
мученики!

— Прощайте, отец Нектарий, —
сказал Сын Вождя и решительно взял
Марину за руку. — Пойдемте,
Марина, уже поздно, нам
действительно пора возвращаться.

Они пошли по дороге вдоль
ущелья. Через несколько десятков
шагов дорога стала заворачивать за
скалу, и тут Марина не удержалась и
оглянулась, а оглянувшись — ахнула:

— Где же он? Куда пропал

дедушка?

Оглянулся и Сын Вождя. Позади них далеко был виден узкий край пропасти с вьющейся под отвесной скалой тропой. Не было ни облака над ущельем, ни висячего мостика через пропасть, ни чудесного старца. Только голые серые скалы, узкий синий провал и пустая тропа.

— Наваждение какое-то... — прошептал Сын Вождя. — Куда же могли подеваться странный старик и мост? Вы что-нибудь понимаете, Марина?

— Нет.

— Чудеса...

— Мракобесие какое-то!

Они, растерянные, долго молча

шли по тропе, постепенно спускавшейся вниз, к поросшим лесом холмам. Вскоре они прошли вдоль селения, потом поднялись на холм и вошли под сень высоких дубов.

— Давайте отдохнем немного, — попросил Сын Вождя. — У меня голова что-то кружится.

— Это вам голову напекло. Возьмите мою тубетейку.

— А вы?

— Да я не боюсь солнца!

Они присели под кряжистым невысоким дубом, в густой кружевной тени. Сын Вождя так устал, что уснул, как только прислонился спиной к шершавой

коре дуба.

— Ау! Проснитесь! — услышал он сквозь сон. Он открыл глаза.

— Надо же, я, кажется, уснул.

— Да вы не больше пятнадцати минут дремали. У вас, когда вы спите, лицо совсем детское.

Он ничего на это не ответил — не знал, что отвечать.

— Вы на меня не сердитесь? — спросила Марина.

— За что?

— За то, что я вас в такое далекое путешествие увела. Если бы я знала, в каком вы положении находитесь, я бы никогда этого не сделала.

— Марина, вы жестокий

человек.

— Это почему?

— Потому что это была прекрасная прогулка. Это был самый свободный и самый счастливый день в моей жизни. Мы с вами пойдем еще когда-нибудь в горы?

— Ну, я думаю, теперь это не скоро будет...

— Мы что, больше не будем с вами встречаться? — спросил он упавшим голосом.

— А это уж как вы пожелаете! — засмеялась она и тут же добавила, посерьезнев: — На людях встречаться опасно, ведь за вами все время приглядывают — Гаврилов и другие... Но я верю, что

очень скоро все у вас наладится: ведь про вас знают в Кремле, знает Он! А Он — не ошибается.

— Я тоже в это верю, Марина. Поэтому и не хочу терять вас.

Марина нахмурилась и молчала.

— Что же вы молчите, Марина?

— Вы странный и неожиданный человек. Но вы такой простодушный, что с вами только откровенно и можно говорить. И я вам скажу прямо: я тоже хочу с вами дружить. Знаете что? Рисковать мы не будем и за ворота санатория вдвоем пока не будем выходить. Но я вот что придумала. Моя комната в нашем домике для obsługi на первом этаже, в самом конце коридора, а перед ней

— душевая. Я покажу вам мое окно, и вы как-нибудь придете ко мне поздно вечером, когда все уже спят, и мы с вами посидим вдвоем, поговорим.

— Сегодня?

— Какой вы скорый! Конечно, нет. Надо выждать и поглядеть, как будет вести себя Гаврилов. Если все обойдется, то я вам в столовой знак подам: забуду вам десерт принести! Вы и поймете, что я вас вечером жду в гости. Договорились? И еще один знак: я поставлю лампу на стол перед окном. На лампе зеленый абажур. Если она будет гореть— значит, все в порядке, я одна. Вы увидите, подойдете к окну и

постучите.

— Хорошо, договорились.

Ему понадобилось отойти в сторону от Марины и справить малую нужду. Он постеснялся-постеснялся и в конце концов просто извинился и отошел дальше в чащу, где были кусты. Он сделал свои дела и, идя обратно к Марине и не доходя до нее с пяток шагов, вдруг остановился. Он увидел ежа с большими ушами. Тот медленно двигался в редкой траве, не замечая человека.

— Марина! Мариночка!

Смотрите, кого я нашел!

— Опять гриб?

— Нет, не гриб, а гораздо

интересней! Здесь ежик! Живой!
Идите же скорей сюда, пока он не
убежал и не свернулся!

Марина подошла к нему и
поглядела на ежа, копошившегося в
траве и даже не думавшего
сворачиваться.

— Ах ты, бедняга! —
сокрушенно проговорила Марина,
садясь на корточки и разглядывая
ежика. — Что ж это с тобой
приключилось, а?

— Почему вы так говорите,
Марина? Разве с ним не все в
порядке? Смотрите, какой он
толстенький и ушастенький.

— Он больной. Здоровые ежи
никогда не выходят днем. Это он уже

умирать вышел на свет. А большие уши — это порода такая, кавказская.

— Боже мой, как жаль беднягу! А мы не можем взять его с собой и попробовать вылечить?

— Если бы у него была рана, то можно было бы попробовать, но у него явно какая-то внутренняя болезнь. Нет, отсюда уносить его нельзя: в лесу он еще может найти какую-нибудь лекарственную траву и вылечиться. Оставим его так.

Она поднялась и поглядела на часы.

— Ой, а время-то как летит! Нам надо изо всех сил спешить, чтобы попасть хотя бы к ужину, а то ваш Гаврилов поднимет переполох.

Они отошли от несчастного ежика, Сын Вождя подхватил кошелку, и они быстрым шагом заспешили вниз по горной тропе.

Меньше чем через час они вышли к реке, Марина узнала знакомые места, и вскоре они уже увидели в зарослях ежевики угол кирпичной стены санатория.

— Мы войдем в парк через пролом в стене, и там вы подождете меня. Я сбегая домой и принесу вам какую-нибудь книгу. Я сейчас всего Толстого перечитываю, у меня такой личный план на лето. Вы «Войну и мир» давно читали?

— Совсем не читал.

— Правда? Ну, вот эту книгу я

вам и принесу. Вы сядете на скамейку и притворитесь, что уже давно сидите и читаете.

— Если меня начали искать, то все аллеи уже давно обшарили.

— Тогда вы спрячьтесь где-нибудь в кустах и сделайте вид, что уснули за книгой и проспали несколько часов.

— Ну и что они обо мне подумают?

— Пусть думают что хотят! Лежал на травке, уснул — ничего не видел и никого не слышал.

— Не хочется лгать, притворяться... И почему это мы с вами, Марина, заранее предполагаем худшее? А вдруг Гаврилов сегодня

уезжал в город — он часто туда ездит — и вообще не заметил моего отсутствия? Бывают же чудеса!

— Я за вас так боюсь, что не верю ни в какие чудеса!

— А встреча с отцом Нектарием — разве это не чудо?

— Молчите, молчите, молчите! Не было никакого отца Нектария!

— Как это «не было»? А что же это было?

— Не знаю. Может, гипноз какой-то...

— Я вас, Марина, не гипнотизировал.

— А я вам русским языком говорю — не было никакого старца! Прошел мимо вас какой-то старик-

абхазец, пастух какой-нибудь, а вам потом напекло голову, вот и приснилась чепуха.

— И как старец перевел нас через пропасть по воздуху — тоже приснилось?

— Не по воздуху, а по висячему мостику из дощечек. Там еще сбоку были веревочные ограждения. Никто по воздуху не ходит.

— Ну да! А потом, когда мы оглянулись, никакого мостика через пропасть не было и старец пропал.

— Он за скалу зашел.

— Некуда там было заходить, там была сплошная отвесная скала над дорогой. Мы, конечно, можем никому не говорить об этой встрече,

но зачем же нам самим себя обманывать?

— Потому что это все религиозный дурман и ничего больше!

— А почему вы так нервничаете?

— Потому!

Они оба замолчали.

— Марина, мы что, поссорились с вами?

— Да.

— Ну так давайте помиримся. Я виноват, простите меня.

— В чем вы-то виноваты?

— В том, что огорчил вас и заставил гневаться на меня.

— Ох, ну вы же и чудак! Он же

еще и виноват! Ладно, давайте вашу руку, будем мириться.

Она повернулась к нему и на ходу подала руку.

— И теперь мы помирились? — спросил он, осторожно пожимая ее руку.

— Помирились.

Помолчав, Марина вдруг остановилась, глубоко вздохнула и сказала:

— Выслушайте меня внимательно. Я и раньше слышала, что высоко в горах живут какие-то таинственные старцы-отшельники. Их выслеживают, их ловят милиция и солдаты, но до сих пор никого не поймали. Теперь-то я знаю, почему с

ними никак не могут покончить! И вот нам с вами только того и не хватало, чтобы вас связали с этими контрреволюционными старцами. Вы, пожалуйста, слушайте меня! Я так за вас боюсь, так боюсь... Ведь вы наивны и беспомощны, как ребенок.

— Я буду слушаться, Марина.

— Не было старца?

— Не было никакого старца. Я просто перегрелся на солнце.

— Вот и ладно.

И они пошли дальше.

По совсем уже узкой, давно нехоженной тропке, заросшей с обеих сторон высокой колючей ежевикой, они подошли к санаторию со

стороны реки. Пробравшись через заросли, они вскоре действительно увидели пролом в стене. Марина подкралась к пролому сбоку и осторожно заглянула в него. Там лежала груда кирпичей и стоял низкий деревянный ящик со следами цементного раствора, но рядом никого не было. Она поманила за собой Сына Вождя, они прошли в пролом и оказались в заросшем уголке парка между оранжереей и баней.

— Обождите меня здесь, хорошо? — прошептала Марина и нырнула в кусты.

Сын Вождя сел на траву возле нагретой за день кирпичной

стены и прислонился к ней спиной. У него гудели ноги, ломило виски, а перед закрытыми глазами все время возникали и таяли ослепительно-яркие синие круги. Он почти задремал, когда вернувшаяся Марина тронула его за плечо.

— Вот вам Толстой, — сказала она шепотом, протягивая ему обернутую в газету толстую книгу, — и до свиданья.

— До ужина? — спросил Сын Вождя, принимая книгу.

— Нет, я ведь выходная — я дома буду ужинать. А завтра увидимся в столовой. Прощайте пока!

Она протянула ему руку, и он

осторожно поцеловал ее.

Марина усмехнулась, провела рукой по его волосам, потом обняла и поцеловала прямо в губы. Он закрыл глаза и услышал:

— До завтра, Георгий!

Он стоял, пошатываясь, с закрытыми глазами, а когда открыл их, Марины возле уже не было, только покачивалась тронутая ею ветка олеандра с розовыми цветами. Ядовитыми, вспомнилось ему.

Подождав еще несколько минут, он стал пробираться в цивилизованную часть парка. Найдя укромную полянку в цветнике, лег на траву, положил перед собой раскрытую посередине книгу и

попытался читать. Но слова путались, а по странице плавали все те же синие круги. Он опустил голову на книгу и заснул.

Проснулся он от негромкого оклика:

— Голубчик, ай-ай-ай, да что же вы со мной делаете? Я с ног сбился, разыскивая вас! Где это вы пропадали весь день, хотел бы я знать?

Над ним стоял Гаврилов. Сын Вождя сел, и Гаврилов увидел книгу.

— Зачитались, что ли, и уснули?

— Да, уснул...

— И не слышали, как я вас звал?

— Нет. Я крепко сплю, вы сами знаете.

— Ну-ну. А что это вы читаете?

— «Войну и мир» Толстого.

— Позвольте взглянуть? Да,

такой книгой можно зачитаться. Неплохая книжица. Вы знаете, что наш великий Вождь высоко ценил Толстого?

Гаврилов лукавил. Он прекрасно знал, что Сын Вождя не мог прежде читать ни самого Толстого, ни высказываний Вождя о Толстом: по собственному его распоряжению Сыну Вождя в библиотеке милицейской школы выдавали одну только зарубежную классику.

— И что же, — продолжал Гаврилов, — вы так вот весь день лежали тут и читали?

— Да.

— Гм... И хорошо вам читалось на голодный желудок?

— Вы знаете, товарищ Гаврилов, у меня ведь не было хороших русских книг. А в этой книге где-то сказано, что не хлебом единым жив человек.

Почему-то Сын Вождя решил, что Гаврилов навряд ли знает, есть подобные слова в «Войне и мире» или нет, а проверять уж точно не станет. Так и вышло.

— А, бросьте! Это все толстовские штучки! Были, были заблуждения у нашего великого классика... А вы, однако, изрядно обгорели на солнце!

— Да, я позагорал немного.

— Ничего себе немного, нос красный, как у пьяницы. Теперь облупится — девушки любить не станут. Шутка. А это вы где взяли? — Гаврилов поднял с травы тюбетейку Марины.

— Это... Это не моя вещь...

— Нашли, что ли? Не следует надевать чужие головные уборы, можно педикулез подцепить.

— Что подцепить?

— Педикулез. Вошек. Не в нашем санатории, конечно. Надо будет отдать эту шапочку дежурной в главном корпусе, пусть вернет хозяину. — Он задумчиво разглядывал тюбетейку, вертя ее на указательном пальце. — А вообще

надо бы вам барышню подобрать, чтобы... ну, приглядывала за вами. Не местную, конечно, а товарища надежного, проверенного, ответственного.

— Не надо мне никаких барышень!

— Да не смотрите вы на меня волком! Все мы люди, все человеки... Да и не наше это с вами дело — решать такие вопросы. Еще только незаконных внуков Вождя не хватало...

— Да как вы смеете!

— Тихо! Экий вы стали ершистый, неуправляемый какой-то... Ну ладно, поднимайтесь. На ужин пора идти.

Они успели к ужину. Сын Вождя, сам себе удивляясь, съел свою порцию с большим аппетитом и даже попросил добавки, чего прежде с ним не бывало. Кажется, Гаврилов ему поверил, что он теперь наверстывает пропущенные обед и завтрак, и одобрительно улыбался. А потом Сын Вождя и вовсе успокоился: Гаврилов вдруг, между прочим, сказал, что сам он обедал сегодня в городе и только под вечер узнал, что Сын Вождя не явился в столовую.

— Вы уж меня предупреждайте, если не хотите идти на обед: как-никак я отвечаю за ваше здоровье. За всем контроль нужен, а за здоровьем

— особенно!

— Ах, да, конечно, я должен был вас предупредить. Но я ведь и сам не думал, что зачитаюсь и забуду про обед. Простите великодушно.

— Ничего, ничего, бывает.

После ужина Сын Вождя пошел в их с Гавриловым домик, лег спать и сразу же крепко уснул, и спал всю ночь крепко, без сновидений.

Он видел Марину каждый день в столовой, но она, подавая им с Гавриловым завтраки, обеды и ужины, совсем не поднимала глаз. Он томился и ждал. Он даже читать не мог и так и не заглянул в Маринину книгу. На пляж он теперь ходил один, так решительно настояв

на этом, что Гаврилов даже не стал с ним спорить. Но Марина на пляже почему-то ни разу за эти дни не появилась.

Наконец, почти через неделю после их прогулки в горы, когда Сын Вождя уже почти и надеяться перестал, она за обедом поставила перед Гавриловым компот и вдруг тихо ойкнула и сказала виновато:

— Извините, я сейчас второй десерт принесу!

Вечером Сын Вождя дождался, пока в санатории все затихло. Он тихонько поднялся с кровати, оделся в темноте и осторожно приоткрыл дверь своей комнаты. В домике было тихо, из комнаты Гаврилова не

доносились никаких звуков. Он еще немного постоял, послушал, а потом быстро прошел через темную гостиную и вышел в темноту.

Он прошел мимо высоких розовых кустов, углубился в парк и вскоре нашел темную аллею, которая вела к двухэтажному зданию, где жил обслуживающий персонал санатория: женщины на первом этаже, мужчины — на втором, а внизу сидела дежурная и не пускала посторонних. Так сказала Марина.

Ему повезло, на аллее он никого не встретил и к дому подошел незамеченным. Тут он нырнул в кусты, чтобы избежать случайного

столкновения с каким-нибудь запоздавшим работником санатория. В окнах дома не было света, кроме одного окошка — самого последнего в первом этаже. Под стеной дома росли вездесущие олеандры. Он остановился напротив окна и стал смотреть на него сквозь просвет в кустах. Розовые цветы светились в темноте и пахли еще сильнее, чем днем.

Окно было открыто, и ветерок с моря временами отдувал легкую, кисейную на вид, но скорее всего марлевуую занавеску, и тогда он видел почти всю комнатку Марины.

У стены напротив окна рядом с закрытой дверью располагался шкаф,

занимая всю оставшуюся часть стены. Его дверца была приоткрыта, за ней виднелась какая-то одежда и край знакомого голубого сарафана. Перед окном стоял стол с лампой-грибом под зеленым стеклянным абажуром. Лампа горела.

Сбоку виднелась простая железная кровать, застеленная чем-то белым, а на плоской подушке лежала раскрытая книга. Самой Марины в комнате не было, и Сын Вождя стал ждать, когда она появится.

И вот она вошла. На ней был пестрый халатик без рукавов. Она взяла книгу с подушки, переложила ее на стол, присела к нему и,

подперев голову руками, принялась читать.

Он глядел на нее и не двигался с места. Время от времени Марина поднимала глаза от книги и смотрела в темный сад — прямо туда, где стоял Сын Вождя. Так прошло с полчаса, не меньше, а он все никак не решался выйти из тени кустов и подойти к окну. Какая-то смутная тревога мешала ему решиться, будто кто-то неслышно приказывал ему стоять и не двигаться. Он уже хотел прогнать эту тревогу, отмахнуться от нее и сделать первый шаг. Достаточно было один раз шагнуть к освещенному окну, а потом, он это знал, все решала бы уже Марина. Но

для этого нужно было перейти какую-то незримую преграду, стоявшую между ним и этим тихим освещенным окном с Мариной, читающей книгу. В нем почему-то росли беспокойство и страх, а лицо Марины оставалось безмятежным, и ее губы чуть-чуть улыбались.

Вдруг, повинувшись какому-то внутреннему указанию, он медленно повернул голову вправо: там, в таких же кустах олеандра, растущих по другую сторону дорожки, он увидел неподвижную человеческую фигуру. Вместо лица было едва различимое серое пятно, но по очертаниям головы и плеч он понял, что это Гаврилов. Сын Вождя закрыл глаза и

вдруг отчаянно понадеялся, что, когда он вновь их откроет, Гаврилов исчезнет и окажется, что это была только тень от кустов, а Гаврилов ему померещился. Он открыл глаза, но тот не исчез.

Он понял, что теперь он должен уйти, и уйти так, чтобы Гаврилов его не заметил. Потом он будет бороться за Марину, он всех убедит, умолит, он постарается вырвать у них право на счастье, на жизнь... Но сегодня он даже не услышит ее голоса — иначе Гаврилов может сделать что-нибудь плохое Марине.

Осторожно переставляя ноги, боясь шумно ступить или задеть ветку, он попятился от окна вглубь

кустов, так и не отводя глаз от окна и спокойного лица Марины, склоненного над книгой.

К их с Гавриловым домику он шел по газонам, прячась за кустами и деревьями, обходя освещенные ночными фонарями крупные дорожки, опасаясь сообщников Гаврилова. Там, где блестели глянцевитые листья рододендронов, ему мерещились кожаные куртки.

Возле их домика никого не было, по крайней мере он никого не заметил. Он прошел через пустую гостиную в свою комнату, не раздеваясь, бросился на кровать и почему-то мгновенно уснул.

Утром его разбудил Гаврилов.

Он взял с тумбочки книгу и спросил:

— Ну что, доби́ли графа Толстого?

Сын Вождя не ответил, делая вид, что еще не совсем проснулся. Он почти ненавидел Гаврилова, но лгать все равно не хотелось.

— Идемте на завтрак! Потом о Толстом поговорим...

Завтрак подавала сменщица Марины. Сын Вождя этому даже был рад — как бы он смотрел в глаза Марине, ведь он не мог ей ничего объяснить.

После завтрака Гаврилов объявил, что ночью пришла телефонограмма: им приказано срочно возвращаться в Москву, там

на его счет принято какое-то важное решение.

— А книжку Толстого отдайте дежурной, она ее вернет в библиотеку санатория, — бросил ему Гаврилов, вставая из-за стола. — Кстати, это у вас не «Война и мир», а «Воскресение». Впрочем, это неважно. Ну, идемте собираться, через полчаса за нами придет машина.

Когда Сын Вождя укладывал в чемодан свои серые брюки из холстинки, в которых ходил на прогулку с Мариной, он услышал глухой стук: из кармана брюк на пол выпал круглый белый голыш. Тот самый, за которым они с Мариной

ныряли в море.

У ворот санатория «эмку», приехавшую за ними, чтобы везти их с Гавриловым на вокзал, задержал дежурный: шофер «эмки» должен был свернуть в боковую аллею, чтобы пропустить въезжавший в ворота странный крытый фургон.

В Москве их встречали на перроне «кожаные куртки» в защитной форме. Гаврилов куда-то мгновенно исчез, и Сын Вождя никогда уже больше его не встречал. Сына Вождя взяли под руки и быстро провели куда-то за здание вокзала. Там в закутке стоял точно такой же фургон без окон, какой встретился им в воротах санатория. Сзади

фургона открылась дверь, и Сыну Вождя приказали в него влезать по короткой железной лесенке. Внутри фургон был перегороден решеткой. Его завели за решетку и велели сесть на скамью, а потом с лязгом закрыли за ним дверь из толстых железных прутьев. Перед решеткой двое охранников с винтовками уселись на скамейки. Машина тронулась и повезла его на Лубянку. Потом он узнал, что такой фургон зовется «черным вороном» или «воронком» и теперь в таких «воронках» возят арестованных.

Не было ни суда, ни допросов — ничего. Его просто отвезли в Казань и поместили в специальную

психиатрическую больницу закрытого типа. А белый камушек так и остался у него: при обысках он прятал его во рту...

Двадцать лет спустя его выпустили и поселили в этой самой ленинградской однокомнатной квартире, из которой он так ловко сумел сегодня уйти, чтобы отпраздновать свой ДЕНЬ СВОБОДЫ.

Уже стемнело, и метель улеглась. Сын Вождя поглядел в последний раз на белый камень, аккуратно завернул его в платок и опустил на дно кармана. Пора было возвращаться домой. Он встал и побрел по глубокому гладкому снегу.

Его следов, оставленных, когда он шел к скамье, уже не было видно — метель успела их замести.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

21 января 2002 года я была на даче под Петербургом у своих старинных друзей, отмечавших серебряную свадьбу. Большинство гостей было мне раньше незнакомо, так что имен я не запомнила, но общество подобралось интересное. После соответствующих юбилейных тостов и первой атаки на закуски разговор, как водится, зашел о мировых и российских проблемах и с этих рельс уже не сходил до конца вечера.

Кто-то вспомнил, что сегодня день смерти В. Ленина. Естественно, заговорили о том, как же теперь следует поступить с мумией Вождя.

— Сжечь, пепел забить в пушку и выстрелить в сторону Запада! — заявила Хозяйка дома.

— Благодарствуйте, хозяйюшка, — сказал Гость-эмигрант, приехавший из Парижа погостить на исторической родине. — За какие же это грехи вы хотите посыпать наши головы таким отвратительным пеплом?

— Оттуда, с вашего Запада к нам пришла эта зараза.

— Значит, иммунитет был плохой...

Еще один гость высказал свою точку зрения:

— Эта высохшая мумия, — сказал он, — предмет поклонения коммунистов, их святыня, а чужие святыни следует уважать.

— Святыня?! — взвилась Хозяйка. — Сейчас полно сатанистских сект, так что же, прикажете уважать их святыни тоже?

Другой гость спросил:

— А почему, собственно, вы отказываете Ленину в православном погребении? Все-таки он, надо полагать, крещеный.

Но Хозяйка была непреклонна.

— Недостоин он христианского погребения! А что он крещеный —

так это ему не во спасение, а в погибель. Он — отступник от Бога, враг Церкви и умер без покаяния. Он не был отпет, а неотпетых хоронили, как известно, за оградой.

— Ну, вот пусть его под кремлевской стеной и похоронят. Там уже много их лежит, неотпетых. Это кто-то в свое время хорошо придумал — вождей революции хоронить за оградой святого Кремля, — сказал Хозяин.

— А вы знаете, Ленин, вполне возможно, и отпет, — вступил в разговор Гость из Москвы. — Отпет заочно. Есть такой православный обычай: если усопшего не смогли отпеть в церкви, его отпевают

заочно, а потом относят освященную горсть земли на его могилу. Так вот, вполне возможно, что Ленин был отпет таким образом. Мне под большим секретом когда-то рассказал об этом бывший сотрудник института, занимавшегося мумией Ленина.

— В России теперь секретов нет, так что извольте нам все рассказать, — потребовала Хозяйка. — Тем более, что у нас сегодня гости из Берлина и из Парижа. Им это будет особенно интересно.

— Пожалуй, расскажу, хозяйюшка, благо история не очень длинная, — согласился Гость из

Москвы. — Я уж позабыл, как назывался этот институт, кажется, имени академика Бориса Збарского, который бальзамировал тело Ленина. Помню только, что, по словам моего знакомого, сотрудники этого странного института вверенный их попечению объект прозвали «Копчушкой». А история заочного христианского отпевания Владимира Ильича такова.

В конце восьмидесятых годов, как раз 21 января, в институт позвонили из охраны Мавзолея и объявили, что у них там произошла диверсия: какой-то старик, терпеливо отстояв очередь, вошел в усыпальницу вождя и, проходя мимо

мумии, вдруг размахнулся и бросил на стеклянную крышку гроба горсть земли. Старика арестовали и увезли на Лубянку, а сотрудникам института было приказано гроб Копчушки пропылесосить. Потом до моего знакомого дошло, что безумный старик скончался от инфаркта в тот же день, когда совершил свою акцию, но перед смертью будто бы успел сказать, что он — незаконный сын Ленина, а земля, которую он бросил на гроб своего отца, — освященная. Он получил ее в церкви, где заказал заочное отпевание усопшего. Старик скончался, виноватых не нашли, и дело закрыли.

Но с этого момента странные дела начались в Мавзолее. Копчушка, который и без того доставлял немало хлопот советской науке бальзамирования, вдруг начал неотвратимо разлагаться прямо на глазах и очень скоро рассыпался в прах. Этот прах потихоньку где-то закопали, а в Мавзолее для успокоения упорных ленинцев демонстрируют с той поры мастерски выполненную восковую куклу. Не знаю, можно ли верить этой истории, но мне бы хотелось.

— Мне тоже, — сказала я. — Только, если все вправду так и было, то случилось это не 21 января, а 22-го — на другой день после

годовщины смерти Вождя.

— Почему вы так думаете?

— Да так уж... Я даже знаю, что в тот день была метель.

Больше вслух я ничего не сказала, а про себя подумала: «Так, значит, он простил...» Историю Сына Вождя мне поведал когда-то под большим секретом знакомый художник, но рассказывать такую длинную и печальную повесть в тот вечер мне не хотелось.

Вернувшись из Петербурга в Берлин, я разыскала в своем архиве тонкую пачку папиросной бумаги, перечла уже почти забытую повесть о Сыне Вождя, отпечатанную без интервалов на «Эрике», перенесла ее

В КОМПЬЮТЕР И ЗАКОНЧИЛА.

Ленинград, 1975 и Берлин, 2002.